РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ КЛАССѢ.

РЕДАКЦІЯ

Петра Вейнберга.

Выпускъ I.

КАНТЕМИРЪ.

(Сатиры.)

Изданіе Второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. М. Вольфа, Б. Итальянская, 2.
1884.

Цѣна 20 коп.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ВЪ КЛАССѢ.

РЕДАКЦІЯ

Петра Вейнберга.

Выпускъ I.

КАНТЕМИРЪ.

(Сатиры.)

Изданіе Второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. М. Вольфа, Б. Итальянская, д. № 2.

1884.

Дозволено цензурою, 12 Іюня 1884 г. С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ девяти сатиръ Кантемира, три, помѣщенныя въ настоящемъ изданіи (1, 2 и 9), имѣютъ наибольшую важность, потому что именно въ нихъ авторъ стоитъ на почвѣ современной ему русской дѣйствительности, и именно онѣ съ одной стороны даютъ намъ самое ясное понятіе о свойствѣ и силѣ сатирическаго дарованія Кантемира, а съ другой—проводятъ передъ нами цѣлый рядъ тѣхъ явленій изъ тогдашней русской жизни, которыя, по своему отрицательному характеру, должны были остановить на себѣ вниманіе перваго русскаго сатирика.

Первая сатира («Къ уму своему») была написана Кантемиромъ въ послѣдніе годы царствованія Петра II, когда автору было всего двадцать лѣтъ (въ 1729 г.). Въ пре-

дисловіи къ ней Кантемиръ указывалъ на соединеніе въ его сатирѣ тѣхъ началъ, которыя вообще характеризуютъ его сатирическую дѣятельность: чисто русскаго по внутренней сторонѣ, т. е. по содержанію, и заимствованнаго—по внѣшней формѣ; онъ говоритъ: «Я, въ сочиненіи своихъ (т. е. сатиръ) наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ». Въ примѣчаніяхъ къ этой сатирѣ Кантемиръ неоднократно свидѣтельствуетъ, что передаваемыя имъ рѣчи «хулящихъ ученіе» — не выдуманныя, а дѣйствительно слышанныя; напр. по поводу разсужденій одного невѣжды о безполезности грамматики (находившихся въ 1 редакціи этой сатиры *), онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Разсужденіе сіе о грамматикѣ нѣсть фикція (т. е. вымыселъ) автора, но подлинныя рѣчи человѣка не простаго, который, въ компаніи нѣкоей будучи, пользу науки сей такъ грубо охуждалъ». Точно также въ примѣчаніи къ стиху: «въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали», сказано: «неоднократно слова сіи слышаны

*) Въ нашемъ изданіи сатиры напечатаны по позднѣйшей редакціи ихъ.

отъ многихъ, что какъ языки и обычаи чужестранные мы стали употреблять, то сталъ у насъ недородъ хлѣба, будто они тому причина». И т. п. О связи многихъ подробностей этой сатиры (какъ и слѣдующихъ) съ дѣйствительными явленіями и фактами тогдашняго времени свидѣтельствуютъ примѣчанія, находящіяся въ нашемъ изданіи, и изъ которыхъ значительная часть принадлежитъ самому Кантемиру.

Вторая сатира вызвана отдѣльнымъ фактомъ Петровскаго царствованія — недовольствомъ, которое породила въ нашихъ древнихъ боярскихъ родахъ такъ называемая «табель о рангахъ», отдавшая личнымъ заслугамъ предпочтеніе передъ заслугами предковъ—недовольствомъ, еще долго послѣ Кантемира не исчезнувшимъ въ русскомъ обществѣ: извѣстно, что напримѣръ Крыловъ осмѣивалъ его въ своей знаменитой баснѣ «Гуси». Здѣсь Кантемиръ, еще больше чѣмъ въ 1-й сатирѣ, имѣетъ дѣло съ русскою дѣйствительностью (припомнимъ напр. описаніе образа жизни отца Евгенія), и, по замѣчанію г. Стоюнина, «сводитъ эту дѣйствительность съ тѣми новыми идеалами, которые у него выработались на основаніи мо-

рали, развитой европейскими писателями.. Кантемиръ постоянно указываетъ на естественныя права человѣка и на нихъ хочетъ основать отношеніе между людьми». — Названія, данныя авторомъ двумъ лицамъ, между которыми происходитъ разговоръ во 2-й сатирѣ, соотвѣтствуютъ основной мысли ея: Филаретъ значитъ по гречески «любитель добродѣтели», Евгеній — «благорожденный», въ смыслѣ человѣка «благороднаго», т. е. дворянскаго происхожденія.

Девятая сатира («Къ солнцу») имѣетъ предметомъ явленія, порожденныя русскимъ расколомъ. Г. Тихонравовъ, въ первый разъ напечатавшій эту сатиру въ 1858 г., замѣчаетъ о ней, что она «проникнута такимъ скорбнымъ негодованіемъ», какаго нѣтъ, можетъ быть, ни въ одномъ изъ сочиненій Кантемира. Въ этой сатирѣ—говоритъ г. Стоюнинъ—«авторъ имѣетъ въ виду показать, въ какое отношеніе сталъ авторитетъ старины къ новому времени, давшему во имя науки другой образъ русскому человѣку. Односторонне - религіозное увлеченіе части русскаго народа, вызванное расколомъ, живо изображено сатирикомъ въ образѣ мужика, который недавно оставилъ соху, аза

въ глаза не знаетъ, безграмотный, а пускается въ богословскіе толки. Въ словахъ его слышенъ живой голосъ современности; они прекрасно передаютъ характеръ и темы богословскихъ споровъ, которые можно было тогда слышать въ невѣжественной толпѣ, не мирившейся со всѣми новизнами... Затѣмъ сатирикъ поднимается въ высшія сферы и тамъ не находитъ ничего благопріятнаго для науки, и съ сокрушеннымъ сердцемъ видитъ торжество зла надъ добромъ повсюду, куда ни обратится»...

Къ этимъ тремъ, напечатанннымъ въ настоящемъ изданіи, сатирамъ, больше чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Кантемира, примѣняется замѣчаніе одного изъ его критиковъ о сатирѣ Кантемира вообще — что̀ и дѣлаетъ, повторяемъ, эти три сатиры особенно важными для насъ. «Содержаніе ихъ—говоритъ этотъ критикъ—оригинальное, форма заимствованная. Собственный матеріалъ располагается въ нихъ по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ, и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя, мѣстныя и временныя, отличія изображаемаго; подражательность же—въ способѣ

представлять избранный предметъ, въ тѣхъ пріемахъ, которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ—большею частью видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ — русское, ему современное»...

Наконецъ, особенная важность 1-й, 3-й и 9-й сатиръ обусловливается тѣмъ, что онѣ, болѣе чѣмъ остальныя произведенія Кантемира въ этомъ родѣ, могутъ быть названы сатирами по сравнительно слабому присутствію въ нихъ элемента дидактическаго и преобладанію собственно-сатирическаго.

Въ настоящемъ изданіи сатиры напечатаны по тексту, редактированному г. Ефремовымъ въ «Сочиненіяхъ Кантемира», изданныхъ г. Глазуновымъ въ 1867 г. При этомъ удержали мы и поставленныя г. Ефремовымъ ударенія на долгомъ слогѣ перваго полустишія, сообразно указанію самаго Кантемира въ его «Письмѣ о сложеніи стиховъ русскихъ»; во второмъ полустишіи удареніе не поставлено нигдѣ, потому что оно всегда падаетъ на предпослѣдній слогъ.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

(*На хулящихъ ученіе*).

Умъ недозрѣлый плóдъ недолгой науки!
Покойся, не понуждàй къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни́ вѣка проводити
Можно, и славу достàть, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрýдные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тóтъ, что босы проклали
Девять сестръ. [1]) Многи на нѐмъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на нѐмъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,[2])
Смѣется, гнушàется. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глазà, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна марморами саду;
Овцу не прибàвитъ онъ къ отцовскому стаду.

Правда, въ нашемъ молодóмъ Монархѣ[3]) надежда
Всходитъ Музамъ немалà; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполли́нъ [4]) славы въ немъ защиту
Своей не слабу почýлъ, чтяща свою свиту·
Видѣлъ его самогó, и во всемъ обильно

Тщится множить жителей парнасскихъ[5]) онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ[6]) то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.
Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ,кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней пе знаютъ;
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,[7])
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.
Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Переняв чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
Буде рѣчь моя слаба, буде нѣтъ въ ней чину,
Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину:

Доводъ, порядокъ въ словàхъ, подлыхъ[8]) то есть дѣло,
Знатнымъ полно[9]) подтверждàть, иль отрицать смѣло.
Съ ума сошелъ, кто душѝ силу и предѣлы
Испытаетъ; кто въ потý томится дни цѣлы,
Чтобъ строй міра и вещéй вывѣдать премѣну
Иль причину; глупо óнъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
Приростетъ ли мнѣ съ тогó день къ жизни, иль въ ящикъ
Хотя грошъ? могу ль чрезъ тó узнать, что прикащикъ,
Что дворецкій крадетъ въ гóдъ? какъ прибавить воду
Въ мой прудъ? какъ бочекъ числó съ виннаго заводу?
Не умнѣе, кто глазà, полонъ безпокойства,
Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
Вѣдь не теперь мы твердѝмъ, что буки, что вѣди;
Можно знатъ различіе злата, сребра, мѣди.
Травъ, болѣзней знàніе, голы все то враки;
Глава ль болитъ? тому врàчъ ищетъ въ рукѣ знаки;
Всему въ насъ виновна крóвь, буде ему вѣру
Дать хочешь. Слабѣемъ лѝ, кровь тихо чрезмѣру
Течетъ; если спѣшно—жàръ въ тѣлѣ отвѣтъ смѣло
Даетъ, хотя внутрь никто видѣлъ живо тѣло.
А пока въ басняхъ такѝхъ время онъ проводитъ,
Лучшій сокъ изъ нàшего мѣшка въ его входитъ.
Къ чему звѣздъ течéніе числить, и ни къ дѣлу,
Ни къ стати за однимъ нòчь пятномъ не спать цѣлу?[10])
За любопытствомъ однѝмъ лишиться покою,
Ища, солнце ль двѝжется, или мы съ землею?
Въ часовникѣ [11]) можно чèсть на всякій день года

Число мѣсяца, и чáсъ солнечнаго всхода.
Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида [12]) смыслимъ;
Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ.
Силванъ одно знàніе слично [13]) людямъ хвалитъ,
Чтó учитъ множить дохóдъ и расходы малитъ;
Трудиться въ томъ, съ чего вдрýгъ карманъ не толстѣетъ,
Гражданству вреднымъ весьмà безумствомъ звать смѣетъ.

Румяный, трожды [14]) рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
Наука содрýжество людей разрушаетъ;
Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
Не въ нашу пользу однý смысла даръ пріяли.
Что же пользы и́ному, когда я запруся
Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
Когда все содрýжество, вся моя ватага
Будетъ чернило, перó, песокъ да бумага?
Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
И такъ она недолгà, на что коротати,
Крушиться надъ кни́гою, и повреждать очи?
Не лучше ли съ кубкомъ дни́ прогулять и ночи?
Вино даръ божѐственный, много въ немъ провору;
Дружитъ людей, подаѐтъ поводъ къ разговору,
Веселитъ, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
Скудость знаетъ облегчàть, слабыхъ ободряетъ,
Жестокихъ мягчитъ сердцà, угрюмость отводитъ,
Любовникъ легче винóмъ въ цѣль свою доходитъ.
Когда по небу сохóй бразды водить станутъ,
А съ поверхности земли́ звѣзды ужъ проглянутъ,

Когда будутъ течь къ ключа̀мъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся наза̀дъ минувшіе вѣки;
Когда въ постъ чернецъ одну́ ѣсть станетъ вязигу,
Тогда, оставя стака̀нъ, примуся за книгу.
Медоръ тужитъ, что чрезчу́ръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать кни́гъ; а ему приходитъ,
Что не въ чемъ ужъ завертѣть завитыя кудри;
Не смѣнитъ на Сѐнеку [15]) онъ фунтъ доброй пудры.
Предъ Егоромъ [16]) двухъ денегъ Виргилій [17]) не сто́итъ,
Рексу, [18]) не Цицѐрону, [19]) похвала достоитъ.
Вотъ часть рѣчей, что на всякъ день звѣнятъ мнѣ въ уши;
Вотъ для чего я, умѐ, нѣмѣе быть клуши [20])
Совѣтую. Когда нѣтъ пользы, ободряетъ
Къ трудамъ хвала; безъ того́ сердце унываетъ.
Сколько жъ больше вмѣсто хва̀лъ да хулы терпѣти!
Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти,
Нежли не славить попу́ святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю.
Знаю, что можешь, умѐ, смѣло мнѣ представить,
Что трудно злонра̀вному добродѣтель славить,
Что щоголь, скупецъ, ханжа̀, и такимъ подобны
Науку должны хули́ть,—да рѣчи ихъ злобны
Умнымъ людямъ не уста̀въ, плюнуть на нихъ можно;
Изряденъ, хваленъ твой су́дъ; такъ бы то быть должно,
Да въ нашъ вѣкъ злобныхъ слова̀ умными владѣютъ.
А къ тому жъ не только тѣхъ науки имѣютъ
Недрузей, которыхъ я, краткости радѣя,
Исчелъ, иль, правду сказа̀ть, могъ исчесть смѣлѣя.

Полно ль того? Райскихъ вра̀тъ ключари святые,[21])
И имъ же Ѳемисъ [22]) вѣски ввѣрила златые,
Мало любятъ чуть не всѣ, истинну украсу.
Епископомъ хочешь бы́ть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ го́рдостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу́, брюхо бородою,
Клюку пышно повели́ везти предъ тобою,
Въ каретѣ разду́вшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипа̀стыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благого́вѣйно отцомъ называти [23]).
Что въ наукѣ? что съ неѐ пользы церкви будетъ?
Иной, пиша про́повѣдь, выпись [24]) позабудетъ,
Отъ чего доходамъ врѣдъ; а въ нихъ церкви пра́ва
Лучшія осно́ваны, и вся церкви слава.
Хочешь ли судьею ста̀ть? вздѣнь перукъ съ узлами,[25])
Брани того, кто́ проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пу́сть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ [26]) выписку читаетъ.
Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естестевенный зако́нъ, иль народны правы,
Плюнь ему въ рожу; скажи́, что вретъ околёсну,
Налагая на судѐй ту тягость несносну,
Что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы,
А судьѣ довольно зна̀ть крѣпить приговоры.
Къ намъ не дошло время то́, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы́ одна раздѣляла,
Будучи способъ одна̀ къ вышшему восходу.

Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство, мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.[27])
Подъ митрй огордится то,[28]) въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавшй на морѣ корабельной службы.[29])
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видимъ съ науки;
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты,
Всякая вышша степѐнь, мзда ужъ не велика;
Семи мудрецовъ [30]) себя достойнымъ мнитъ лика.
Нѣтъ правды въ людяхъ, кричитъ безмозглый церковникъ;
Еще не епископъ я, а знаю часовникъ,
Псалтырь и посланія бѣгло честь умѣю,
Въ Златоустѣ не запнусь, хоть не разумѣю.
Воинъ ропщетъ, что своимъ полкомъ не владѣетъ,
Когда ужъ имя своѐ подписать умѣетъ.
Писецъ тужитъ, за сукномъ что не сидитъ краснымъ,[31])
Смысля дѣло набѣло списать письмомъ яснымъ.
Обидно себѣ быть, мнитъ, въ незнати старѣти,
Кому въ родѣ семь бояръ случилось имѣти
И двѣ тысячи дворовъ за собой считаетъ,

Хотя впрочемъ ни читàть, ни писать не знаетъ.
Таковы слыша словà, и примѣ́ры видя,
Молчи, уме, не скучàй, въ незнатности сидя.
Безстрашно того житьѐ, хоть и тяжко мнится,
Кто въ тихомъ своемъ углу́ молчаливъ таится.
Коли что дала ти знàть мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, въ себѣ разсуждая
Пользу наукъ; не ищи́, изъясняя тую,
Вмѣсто похвалъ, что ты ждѐшь, достать хулу злую.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Девять музъ «Обычайно — замѣчаетъ Кантемиръ — имя Музъ стихотворцы за самыя науки употребляютъ». Босыми названы онѣ здѣсь въ смыслѣ убогихъ, неимущихъ, «для того что рѣдко ученые люди богаты»...

2) Чуждается.

3) Петрѣ Второмъ.

4) Аполлонъ, богъ поэзіи.

5) Парнасъ — гора въ Фокидѣ, считавшаяся у древнихъ грековъ мѣстопребываніемъ музъ. «Симъ стихомъ — говоритъ Кантемиръ—стихотворецъ припоминаетъ великодушіе монарха къ учителямъ, которые на его величества иждивеніи тщатся преумножить науки и ученыхъ людей»...

6) Страшно.

7) Т. е. находятъ, что церкви не подобаетъ имѣть въ своихъ рукахъ мірскую власть.

8) Слово «подлый» прежде значило — происходящій изъ простаго, недворянскаго сословія.

9) Достаточно.

10) Т. е. проводитъ всю ночь въ наблюденіи за какимъ нибудь пятномъ на лунѣ или другой планетѣ.

11) Тутъ помѣщались и такъ называемыя календарныя свѣдѣнія.

12) Эвклидъ, извѣстный математикъ Александрійскаго періода.

13) Польское слово; значитъ—отлично.

14) Трижды.

15) Сенека—римскій философъ, учитель императора Нерона.

16) Егоръ—московскій сапожникъ во время Кантемира.

17) Виргилій—римскій поэтъ времени императора Августа.

18) Рексъ—московскій портной.

19) Цицеронъ—римскій ораторъ времени республики.

20) Польское слово; значитъ—галка.

21) «Церковные пастыри, епископы»—объясняетъ Кантемиръ.

22) Ѳемида—богиня правосудія, аттрибутъ которой составляли вѣсы. Тѣ, которымъ она ввѣрила эти вѣсы—судьи.

23) «Характеръ епископа—говоритъ Кантемиръ—хотя съ неизвѣстнаго лица авторомъ описанъ, однако много сходства имѣетъ съ Д...., который въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю преосвященства должность; а существенную, которая есть душеспасительными поученіями и добродѣтелью наставлять паство свое, презиралъ.» Этотъ Д. — ростовскій епископъ Егоръ Дашковъ, впослѣдствіи за свою безнравственную жизнь лишенный епископскаго сана.

24) «Выпись—объясняетъ Кантемиръ — есть письмо приказное, которымъ судья подтверждаетъ владѣніе земли, деревни, двора и пр.».

25) «Въ такихъ парикахъ изстари ходили судьи во Франціи, откуда и къ намъ зашла такая офиціальная форма». (Примѣч. г. Ефремова).

26) Чиновникъ, занимавшійся въ приказѣ письмоводствомъ.

27) Невѣжество заняло мѣсто выше науки.

28) То, т. е. оно (невѣжество).

29) Т. е. какъ страдающій морскою болѣзнью бѣжитъ отъ службы во флотѣ.

30) Семь мудрецовъ, славившихся въ Греціи.

31) Т. е. за столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, который стоитъ въ присутствіи и за которымъ засѣдаютъ судьи.

САТИРА II.

ФИЛАРЕТЪ И ЕВГЕНІЙ.

(На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ).

ФИЛАРЕТЪ.

Что такъ смутенъ, дружокъ мóй? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны́, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чи́нъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заво́дъ раздарилъ не кстати? [1])
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твои́хъ слугъ леленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядàхъ, вина ль дорогова?
Матерь, знаю, и родня твоя вся здорова;
Обильство сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ;
Ничто тебѣ не прети́тъ жить въ покоѣ многомъ.
Что жъ молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ дру́гъ полезенъ въ печали?
Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я сàмъ, что тому причина:
Дамонъ на сихъ дняхъ достàлъ перемѣну чина,
Трифону лента данà, Туллій деревнями

Награжденъ; ты съ пышными презрѣнъ именами.
Забыта крови твоей и слава и древность,
Предковъ къ общества добру многотрудна ревность,
И преимуществъ твоихъ толпа неоспорныхъ;
А зависти въ тебѣ нѣтъ, какъ въ попахъ соборныхъ.

ЕВГЕНІЙ.

Часть ты прямо отгадалъ. Хоть мнѣ не завидно,
Чувствую, сколь знатнымъ всѣмъ и стыдъ и обидно,
Что кто не всѣ еще стёръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ «сальныя», крича, «ясно свѣчи
Горятъ»; кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи,
Тотъ на высоку степѐнь вспрыгнувши, блистаетъ; [2])
А благородство моѐ во мнѣ унываетъ
И не сильно принести мнѣ ни какой польги. [3])
Знатны ужъ предки мои были въ царство Ольги
И съ тѣхъ временъ по сихъ поръ въ углу не сидѣли,
Государства лучшими чинами владѣли.
Разсмотри Гербовники, [4]) грамотъ виды разны,
Книгу Родословную, записки приказны;
Съ прадѣдова прадѣда, чтобъ начать поближе.
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже;
Искусны въ миру, въ войнѣ разсудно и смѣло
Вершили ружьемъ, умомъ не одно тѣ дѣло.
Взгляни на пространныя стѣны нашей салы, [5])
Увидишь, какъ рвали строй, какъ ломали валы.
Въ судѣ чисты руки ихъ, помнитъ челобитчикъ
Милость ихъ, и помнитъ злу остуду обидчикъ.

А батюшка ужъ всѣмъ вѐрхъ; какъ его не стало,
Государства пра̀вое плечо съ нимъ отпало.
Когда было вы́ѣдетъ, всякъ долой съ дороги,
И шапочку снявъ, ему́ головою въ ноги.
Всегда за нимъ вы́борна таскалася свита,
Что ни день рано съ утра̀ крестова 6) набита
Тѣми, которыхъ тепѐрь народъ почитаетъ,
И отъ которыхъ нашъ бра̀тъ милость ожидаетъ.
Сколько разъ, не смѣя тѣ приступать къ намъ сами,
Дворецкому кла̀нялись съ полными руками?
И когда батюшка къ ни́мъ промолвитъ хоть слово,
Заторопѣвъ, онѣмѣвъ, слезы у инова
Потекли съ глазъ съ ра̀дости, иной не спокоенъ,
Всѣмъ наскучилъ хва̀стая, что былъ онъ достоенъ
Съ временщикомъ говори́ть, и весь веселился
Домъ его, какъ бы имъ кла̀дъ богатый явился.
Самъ ужъ суди, какъ легко̀ мнѣ должно казаться,
Столь славны предки имѣ́въ, забытымъ остаться,
Послѣднимъ видѣтъ себя, куды глазъ ни вскину?

ФИЛАРЕТЪ.

Слышавъ я важну твоей печали причину,
Позволь ужъ мнѣ мою мы́сль открыть и совѣты.
А вѣдай притомъ, что я лукавыхъ примѣты,
Лесть, похлѣбство не люблю: но сердце согласно
Съ языкомъ; что мыслитъ то̀, сей вымолвитъ ясно.
Благородство, будучи заслугъ мзда, я знаю,
Столь важно, и много въ нѐмъ пользы признаваю.
По̀честь та къ добрымъ дѣла̀мъ многихъ ободряетъ,

Когда награду въ себѣ вершенныхъ являетъ.
(Сыщешь въ людяхъ таковы́хъ, которымъ не дивны
Куча золота, ни до́мъ огромный, ни льстивный
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна;
Къ титламъ, къ славѣ до одно́й всяка душа жадна).
Но тщетно имя оно́, ничего собою
Не значитъ въ томъ, кто себѣ своею рукою
Не присвоитъ почесть ту́, добыту трудами
Предковъ своихъ. Гра̀мота, плѣснью и червями
Изгрызена, знатныхъ на̀съ дѣтьми есть свидѣтель,[7])
Благородными яви́тъ одна добродѣтель.

Презрѣвъ покой, снесъ ли ты самъ труды военны?
Разогналъ ли предъ собо́й враги устрашенны?
Къ безопаству о́бщества расши́рилъ ли власти
Нашей рубежъ? Судъ судя, забылъ ли ты страсти?
Облегчилъ ли тяжкія подати народу?
Приложилъ ли къ ца̀рскому что ни есть доходу?
Примѣромъ, словомъ твоимъ ободрены ль люди
Хоть мало очистить злы́хъ нравовъ темны груди?
Иль буде случа̀й, младость въ то не допустила,
Есть ли показаться въ то́мъ впредь воля и сила?
Знаешь ли чисты храни́ть и совѣсть и руки?
Бѣдныхъ жалки ли тебѣ слезы и докуки?
Не завистливъ, ласковъ, пра̀въ, не гнѣвливъ, без-
злобенъ,
Вѣришь ли, что всякъ тебѣ человѣкъ подобенъ?
Изрядно можешь сказа̀ть, что ты благороденъ,
Можешь счесться Ектору [8]) или Ахиллу [9]) сроденъ;
Іулі́й [10]) и Алекса̀ндръ, [11]) и всѣ мужи славны

Могутъ быть предки твои́, лишь бы тебѣ нравны.
Мало жъ пользуетъ тебя знать хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты́ не разнишься псар-
скимъ.
Спросись хоть у Не́йбуша,[12]) таковы ли дрожжи
Любы, какъ пиво, ему́; отречется трожжи;[13])
Знаетъ онъ, что съ пива тѣ́ славные остатки,
Да плюетъ на то, когда̀ не какъ пиво сладки.
Разнится потомкомъ бы́ть предковъ благородныхъ,
Или благороднымъ бы́ть. Таже и въ свободныхъ
И въ холопяхъ течетъ кро́вь, таже плоть, тѣжъ кости.
Буквы, къ нашимъ имена̀мъ приданныя, злости
Наши не могутъ прикры́ть; а худые нравы
Истребятъ вдругъ дрѐвнія въ умныхъ память славы,
И чужихъ обнажена̀ красныхъ перьевъ галка
Будетъ имъ, съ стыдомъ свои́мъ, и смѣшна и жалка.
Знаю, что непра́ведно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда вну́къ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ у́мъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ одни́хъ. Столбы сокрушатся
Подъ лишнымъ тѣ брѐменемъ, если сами въ силу
Нужную не приведѐмъ ту подпору хвилу.[14])
Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобъ были
И чаши чисты твои́, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ро̀тъ твой не станетъ литься.
Ты самъ, праотцевъ твои́хъ исчисляя славу,
Призналъ, что пала она́ и дѣламъ и нраву:
Иной въ войнахъ претерпѣлъ нужду, страхъ и раны,

Инымъ въ морѣ не́други и валы попраны,
Иной правду вѣсилъ ти́хъ, бѣгая обиды;
Всѣхъ были различные достоинства виды.
Если бъ ты имъ подража́лъ, право бъ могъ роптати,
Что за другими тебя и въ пару не знати. [15])
Потрись на оселку, дру̀гъ, покажи въ чемъ славу
Крови собой, и твою́ жалобу быть праву.
Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои́, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху̀ тѣломъ и душею,
Грозно соплешь, пока дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнулъ, растворилъ глаза̀, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ-друго́й, нѣжишься, сжидая
Пойло, что́ шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зѐркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попечѐніи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плѐчъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ во́лосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торча̀ть будутъ сановиты,
По румянымъ часть щека̀мъ въ колечки завиты
Свободно станетъ игра̀ть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому̀ строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты са́мъ, новый Нарцисъ, [16]) жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ съ слуги валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башма̀къ стѐрто много мѣлу;
Деревню вздѣнешь пото́мъ на себя ты цѣлу. [17])

Не столько стало народъ римляновъ пристойно
Основать,[18]) какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно,
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды:
Пора, мѣсто, и твой разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ, тебѣ въ образу,[19])
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтню пору тѣло,
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы,
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубокй и ситой подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты;
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить;
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро или злато,—
И Рексу[20]) лучше тебя знать ужъ трудновато.
Въ обѣдъ и на ужинѣ частенько двоится
Свѣча въ глазахъ, часто полъ подъ тобой вертится,
И обжирство тебѣ въ ротъ куски управляетъ.
Гнусныхъ тогда полкъ друзей тебя окружаетъ,
И глодая до костей самыхъ, нравъ веселый,
Тщиву душу, и въ тебѣ хвалитъ разумъ спѣлый.

Сладко щекотятъ тебѣ ухо красны рѣчи,
Вздутымъ поднятъ пузырѐмъ, чаешь, что подъ плечи
Не дойдетъ тебѣ людѐй все прочее племя.
Оглянись, намѣстниковъ царскихъ чисто сѣмя,
Тотъ же полкъ, лишь съ глазъ твоихъ, тебѣ ужъ смѣется;
Скоро станетъ и въ глазà; притворство минется,
Какъ скоро сойдутъ твоихъ пожитковъ остатки.
(Боюсь я устъ, что въ лицò точатъ слова сладки).
Ты самъ неотступно тó время укоряешь,
Изъ рукъ ты пестрыхъ пучки бумагъ не спускаешь,
И мечешь горстью твоихъ мозольми и пóтомъ
Предковъ скоплено добрó. Деревня со скóтомъ
Не первая ужъ пошлà въ бережную руку
Того, кто мало предъ симъ кормился отъ стуку
Молота по жàркому въ кузницѣ желѣзу.

Но тѣ, что стѣнахъ твоѐй на пространной салы
Видишь подписи, прочѐсть трудъ тебѣ немалый:
Чужой глазъ нуженъ тебѣ и помочь чужая
Нужнѣе, чтобы знать назвàть черту, что копая
Воинъ предъ собой ведетъ, укрываясь, къ валу;
Чтобы различить гдѣ стѣны часть одна по малу
Частымъ быстро-пагубныхъ пуль ударомъ пала,
Гдѣ, грозно разсѣдшися, земля вдругъ пожрала;
Къ чему тутъ войска однà часть въ четверобочникъ [21])
Строится, гдѣ бóлѣе нуженъ ужъ спомочникъ
Рѣдкимъ полкамъ и гдѣ ужъ отмѣненны силы
Оплошнаго нѐдруга надежду прельстили.
Много вышнихъ трѐбуетъ свойствъ чинъ воеводы

И много разныхъ иску́сствъ; и входъ, и исходы,
И мѣсто, годно къ бою, видитъ однимъ взглядомъ.
Лишной безопа̀сности не опоенъ ядомъ,
Остръ, проницаетъ враго́въ тайные совѣты,
Временно предупрежда̀ть удобенъ навѣты,
О обильности въ своёмъ таборѣ [22]) печется
Недремительно; любо́вь ему предпочтется
Войска, чѣмъ страшнымъ имъ бы́ть, и вдругъ ненавидимъ;
Отцомъ невинный наро́дъ зоветъ, не обидимъ
Его жадностью; врага̀мъ однимъ лишь ужасенъ,
Тихимъ нравомъ, и умо́мъ, и храбростью красенъ,
Не спѣшитъ дѣло нача̀ть, начавъ производитъ
Смѣло и скоро; не сто́ль бѣгло Перунъ [23]) сходитъ,
Страшно гремя. Въ сча̀стіи умѣренъ быть знаетъ,
Терпѣливъ въ нуждѣ, въ бѣдствѣ твердъ не унываетъ.
Ты тѣхъ добродѣтелей, тѣхъ чуть имя знаній
Слыхалъ ли? Самыхъ числу́ дивишься ты званій,
И въ одинъ всѣ мозгъ вмѣсти́ть смертныхъ столь мнишь трудно,
Сколь дворецкому не кра̀сть, иль судьѣ жить скудно.
Какъ тебѣ ввѣрить кора̀бль? ты лодкой не правилъ,
И хотя въ пруду твоёмъ, лишь берегъ оставилъ,
Тотчасъ къ берегу спѣши́шь: гладкихъ испугался
Ты водъ. Кто простра̀нному морю первый вдался,
Мѣдное сердце имѣлъ; смерть тамъ обступаетъ
Съ низу, съ верху и съ боко́въ, одна отдѣляетъ
Отъ нея доска, толста̀ пальца лишь въ четыре:
Твоя душа трѐбуетъ грань съ нею пошире; [24]

И писана смерть [25]) тебя дрожать заставляетъ;
Одинъ холопъ лишь твою храбрость искушаетъ,
Что одинъ онъ отвѣчать тебѣ не посмѣетъ.[26])
Нужно жъ много и тому, кто рулемъ владѣетъ,
Искусствъ и свойствъ съ самаго укрѣпленныхъ дѣтства,
И столь нужнѣй тѣ ему, сколь вящши суть бѣдства
На морѣ, чѣмъ на землѣ. Твари Господь чудну
Мудрость свою оказалъ, во всѣхъ неоскудну
Мѣру поставя частяхъ міра, и межъ ними
Взаимно согласіе; лучами своими
Свѣтила небесныя, желѣзце, немногу
Отъ дивнаго камня взявъ силу,[27]) намъ дорогу
Надежную въ безднѣ водъ показать удобны;
Небесъ положеніе на землѣ способный
Бываетъ намъ проводникъ, и когда страхъ мучитъ
Грубыхъ пловцовъ, кормчаго искуснаго учитъ
Скрытый камень миновать, иль берегъ опасный.
И въ пристань достичь, гдѣ часъ кончится ужасный,
Недруга догнать, надъ нимъ занять вѣтръ способный
И побѣду исхитить, вступя въ бой удобный—
Трудъ немалый. На морѣ, какъ на землѣ, тѣ же
Прочи вождевъ должности: тебѣ еще рѣже
Снилась трубка и компасъ, чѣмъ строй и осада.
За краснымъ судить сукномъ Адамлевы чада,
Иль править достоинъ тотъ, кому совѣсть чиста,
Сердце къ сожалѣнію склонно и рѣчиста
Кого деньга одолѣть, ни страхъ, ни надежда,
Не сильны; предъ кѣмъ всегда мудрецъ и невѣжда,
Богачъ и нищій съ сумой, гнусна бабья рожа

И краснаго цвѣтъ лица, [28]) пахарь и вельможа
Равны въ судѣ, и одна правда превосходна;
Кого не могутъ прельстить въ хитростяхъ всеплодна
Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячей,
Чтобъ, чрезъ руки ихъ прошедъ, слѣпымъ не сталъ зрячей,
Стрѣчись долженъ, и самъ знать и листъ и страницу,
Что отъ нападенія сильнаго вдовицу
Соперника можетъ спасть, и сиротъ спокойну
Уставить жизнь, предписавъ плутамъ казнь достойну.
Наизусть онъ знаетъ всѣ естественны права,
Изъ нашего высосалъ весь онъ сокъ устава.
Мудры не спускаетъ съ рукъ указы Петровы,
Коими стали мы вдругъ народъ уже новый,
Не меньше стройный другихъ, не меньше обильный,
Завидимъ врагу и въ нѣмъ злобу унять сильный.
Можешь ли что обѣщать народу подобно?
Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).
Мало, правда, ты копишь денегъ, но къ нимъ жаденъ:
Мотъ мочти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ [29]) долженъ своимъ видѣть конецъ скорой,
Арапскаго языка, права и законы

Мнятся тебѣ, дикіе русску уху звоны. [30])
Если въ тѣ чины не гожъ, скажешь мнѣ, я чаю
Не хуже Клита носить ключъ золотой [31]) знаю;
Какія свойства его, какая заслуга
Лучшимъ могли показать изъ нашего круга?
Клита въ постели застать не можетъ день новой,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ осторожeнъ—свои слова точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится [32])
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ,
Идучи упрямо въ цѣль: Клиту счастье служитъ.
Иныхъ свойствъ не трѣбуетъ, кому счастье дружно;
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно
Тому, кто въ царскомъ прожить домѣ жизнь уставилъ,
Чтобъ крылья, къ солнцу подшедъ, мягки не расплавилъ:
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.
Честнѣе будетъ онъ другъ, всѣмъ друженъ являясь,
И много смиреніе, и разсудность многу
Совѣтую при дворѣ. Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не сталея,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ:
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ.

Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный;
Ползать не совѣтую, хоть спѣси гнушаюсь;
Всего того я въ тебѣ искать опасаюсь.
Словомъ, много о вещахъ тщетныхъ безпокойство,
Ни одно не вижу я въ тебѣ хвально свойство.
Исправь себя, и тогда жди, дружокъ, награду;
По тѣхъ поръ забытымъ быть не считай въ досаду:
Пороки, кои теперь прикрываютъ тѣни
Стѣнъ твоихъ, укрыть нельзя на вышшей степени.
Чистъ быть долженъ, кто туды не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.
Но поставимъ, что твои заслуги и нравы
Достойнымъ являютъ тя лучшей мзды и славы:
Тѣ, кои оной тебя неправо лишаютъ,
Жалки, что пользу свою въ тебѣ презираютъ;
А ты не долженъ судить, судятъ ли тѣ здраво,
Или самъ многимъ себя предпочтешь неправо?
Надъ всѣмъ же тому, кто родъ съ древняго начала
Ведетъ, зависть, какъ свиньѣ уѣзда, не пристала,
Еще бъ можно извинить, если знатный тужитъ,
Видя, что счастье во всѣмъ слѣпо тому служитъ,
Кого сколько теменъ родъ, столь нравы развратны,
Ни отечеству добры, ни въ людяхъ пріятны:
Но когда противное видитъ въ человѣкѣ,
Веселиться долженъ ужъ, что есть въ его вѣкѣ
Мужъ таковъ, кой добрыми родъ свой возвышаетъ
Дѣлами, и полезенъ всѣмъ быть начинаетъ.
Что жъ въ Дамонѣ, въ Трифонѣ и Туллiѣ гнусно,

Что, какъ награждаютъ и́хъ, тебѣ на смерть грустно?
Благонравны тѣ, умны́, вѣрность ихъ немала;
Слава наша съ трудовъ и́хъ нѣчто восприяла.
Правда, въ царство Ольгино предковъ ихъ не знали,
Думнымъ и намѣстникомъ дѣды не бывали,
И дворянства ста̀ростью считаться съ тобою
Имъ нельзя; да что съ того́? Они вѣдь со̀бою
Начинаютъ знатный ро́дъ, какъ твой родъ нача̀ли
Твои предки, когда Ру́сь греки крестить стали.
И твой родъ не все тако́въ былъ, какъ потомъ стался,
Но первый съ предковъ твои́хъ, что дворянинъ звался,
Имѣлъ отца сла̀вою гораздо поуже,
Каковъ Трифонъ, Туллій бы́лъ, или и похуже.
Адамъ дворянъ не роди́лъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, друго́й пасъ блеюще стадо.
Ной въ ковчегѣ съ собо́й спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ,
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли́, одинъ поранѣе
Оставя дудку, сохуʹ, другой попозднѣе.

ПРИМѢЧАНІЯ:

1) Тутъ опять рѣчь о томъ самомъ архіепископѣ Дашковѣ, съ которымъ мы встрѣчаемся въ 1-й сатирѣ (см. примѣчаніе 23-е). По объясненію Кантемира въ примѣчаніи къ этому стиху, Дашковъ «ничего такъ не жаждалъ, какъ быть главнѣйшимъ церкви россійской, и для полученія того чина много коней раздарилъ, которыхъ онъ имѣлъ изрядный заводъ».

2) По всей вѣроятности, авторъ здѣсь намекаетъ на Меньшикова, о которыхъ сложилось преданіе, что онъ въ юности торговалъ пирогами.

3) Вмѣсто «пользы»; употреблено для рифмы, какъ объясняетъ Кантемиръ, замѣчая, что слово «польга» — «простолюдное».

4) Гербовыя книги, куда вносились родословныя бояръ.

5) Залы.

6) Передняя, пріемная; называлась «крестовою» потому, что вся восточная стѣна ея была убрана иконами и крестами.

7) Т. е. свидѣтель тому, что мы—дѣти знатныхъ.

8) и 9) Гекторъ и Ахиллесъ—герои троянской войны.

10) Юлій Цесарь.

11) Александръ Македонскій.

12) Генералъ-маіоръ Нейбушъ, пріятель Кантемира, очень любившій пиво.

13) Трижды.

14) Хилую, ненадежную.

15) Т. е. «изъ-за другихъ не могутъ замѣтить тебя въ пару, въ поту отъ трудовъ.» (Объясненіе г. Ефремова).

16) Нарцисъ—лице изъ греческой миѳологіи. Въ наказаніе за то, что онъ жестоко отвергъ любовь нимфы Эхо, боги сдѣлали его влюбленнымъ въ самого себя; онъ безпрерывно любовался своимъ образомъ въ прозрачномъ ручьѣ и наконецъ погибъ (превратился въ цвѣтокъ этого же имени) отъ невозможности удовлетворить этой любви взаимностью.

17) Т. е. надѣнешь платье, которое стоитъ цѣлой деревни. «Видали мы—замѣчаетъ Кантемиръ—такихъ, которые деревни свои продавали, чтобъ себѣ сшить уборный кафтанъ».

18) Т. е. не столько понадобилось труда основать римское государство...

19) Образа—слово польское; значитъ «обида».

20) См. примѣчаніе 18-е къ первой сатирѣ.

21) Т. е. каре (военный терминъ).

22) Въ своемъ лагерѣ.

23) Перунъ—славянскій богъ грома.

24) Твоя душа требуетъ, чтобъ ты былъ отдѣленъ отъ смерти болѣе широкою границей.

25) Смерть даже на картинѣ.

26) Только холопъ испытываетъ на себѣ твою храбрость, потому что...

27) Дѣло идетъ о компасѣ.

28) Цвѣтъ красиваго лица, т. е. красавица (Объясненіе г. Ефремова).

29) Житейскимъ удовольствіямъ.

30) Т. е. слова «право, законъ» кажутся тебѣ рѣчами арапскаго языка, звуками, дикими для русскаго уха.

31) Ключъ камергерскій.

32) Не краснѣетъ.

САТИРА IX.

КЪ СОЛНЦУ.

(На состоянiе свѣта сего).

Солнце! хотя существо̀ твое столь есть чудно,
Что ему во вѣкъ довольно удивиться трудно, —
Въ чемъ намъ и свидѣтельство древни показали,
Когда тебя за̀ бога чрезъ то почитали —
Однако, могъ бы я то̀ признать несомнѣнно,
Что было бъ ты въ дивности твоей перемѣнно,
Если бъ ты въ себѣ живо̀тъ и чувство имѣло,
Чѣмъ бы могло всякое въ свѣтѣ познать дѣло.
Буде бъ честь отъ насъ Богу ты узнать желало,
Въ первыхъ бы суевѣрiй бездну тутъ сыскало.
Мужикъ, который соху́ оставилъ недавно,
Аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
А прислушайся, что врѐтъ и что его вздоры!
Вѣдь не то, какъ на̀ Волгѣ разбиваютъ воры.
Да что жъ? Онъ то вретъ богословски рѣчи:
Какiя предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло́ старинѣ противно;
Какъ брадобритье терпитъ Богъ, то̀ ему дивно.

На что, баетъ, библію отдаютъ въ печати,
Котору христіанамъ больно грѣшно знати?
Вонъ иной, зачитавшись, да ереси сѣетъ,
Говоритъ: «не грѣшёнъ тотъ, кто бороду брѣетъ».
Парики ужъ всякъ знаетъ, что дьявольско дѣло,
А онъ, что то не грѣшно́, одно споритъ смѣло;
Платье нѣмецко носитъ, да притомъ манжеты;
Кто ихъ назоветъ добро́мъ? все—адски примѣты;
А таки сказуютъ, что то непротивно Богу.
Охъ! какъ страшно и слышать таку хулу многу!
Все жъ то се нѣтъ ничего[1]); вонъ услышишь новый
Отъ него твердъ докумѐнтъ, давно ужъ готовый.
«Какъ (говоритъ) библію не грѣшно читати,
Что она вся дѐржится на жидовской стати?
Вонъ де за то одного́ и сожгли недавно:
Зачитавшись, такъ сталъ Христа хулить явно.
Ой нѣтъ, надо библіи убѣгать, какъ можно,
Бо зачитавшись въ ней, пропадешь безбожно[2]).
Есть и безъ нея что чѐсть, лишь была бъ охота,
Вотъ полно мнѣ мѣшаетъ домашня работа,
А то бы я купилъ книгу, котору не знаю,
Какой пустынникъ писа̀лъ, да............[3])
Такъ то-то уже книга, что ажь уши вянутъ,
Какъ было грамотники у насъ читать станутъ!
Тамъ писано, какъ земля четырьми китами
Стоитъ, которы её подперли спинами;[4])
Сколько солнце всякій дѐнь милліоновъ, ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты въ отдышку заходитъ;
Какъ въ нынѣшнее время не будутъ являться

Святцы [5]) и богатыри́; что люди мерзятся
Брадобритіемъ и всѣмъ бусурманскимъ нравомъ,
Не ходятъ въ старомъ отцо́въ преданіи правомъ.
Все тамъ есть о старинѣ съ мала до велика.
Сказать мнѣ все подробну не станетъ и языка.
Все жъ то се еще сошни́къ [6]) плесть безмозгло смѣетъ;
Все вретъ, хоть сло́ва складно́ молвить не съумѣетъ.
Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ? [7])
Тѣ-то суевѣріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ голо́въ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы;
Что же вянетъ, то у ни́хъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ.
Тая-то вещь и мнѣ мнится всѣхъ смѣшнѣе въ свѣтѣ.
Нутко скажи такому́, что всякъ день воскресный
Не въ пьянствѣ должно справлять во всей подне-
бесной,
Но лучше бъ въ ученіяхъ церковныхъ медлѣти,
Нежъ на кабакахъ пьянымъ безчинно шумѣти:
То ужъ онъ то понесе́тъ представлять резоны,
Что съ ума тя собьетъ, хо́ть ты какъ будь ученый.
Вынетъ тебѣ съ сундука̀ тетради цвѣлыя, [8])
Предложитъ исто́ріи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего́ отца Аввакума: [9])
Такъ его запа̀льчивость тутъ возьметъ угрюма.
И тотчасъ тѣ предложи́въ, начнетъ уличати:
«Грѣшно де весь день будетъ Богу докучати;
Смотри, что исто́ріи въ себѣ заключаютъ:
Вѣдь и́ въ небѣ обѣдны часы отпѣваютъ,
А не весь день по вашему въ молитвѣ трудятся;

Отпѣвъ часъ урочный тамъ, съ Богомъ веселятся».
Сей тому жъ въ философіи живетъ ненарушно:
Признаютъ то пьяницы всѣ единодушно;
Сей и Аристотелю[10]) не больно уступитъ,
Паче когда къ мудрости вина кружку купитъ.
Да что симъ дивиться? Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ.
Хочетъ ли кто божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало.[11])
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ,
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
«Не знаю (говоритъ), какъ тѣ люди спасутся,
«Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
«Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ де ряса;
«Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ на что купить мяса,
«Все де чортъ склонилъ людей и съ нѣмцами знаться.
«О проклятые! за что насъ дарить скупятся?

«Какъ такіе исцѣлятъ души своей раны,
«Что не трепещутъ смѣло знаться съ бусурманы?
«Каки бы они ни́ были, да только не русски;
«Надобно ихъ отбѣга̀ть: ужъ въ нихъ путь не узкій,
«Но широкія врата̀ къ пагубѣ доводятъ,
«Они жъ, не смотря на то, смѣло туда входятъ!
«А намъ де уже за тѣмъ пресѣклася дача
«И съ просфорами, увы́! бѣдствъ достойныхъ плача!»
Но ежели тѣ рѣчи поверстать бы въ дѣло,
То бъ казано, напился съ залишкомъ всецѣло.[12])
Какъ же, на такихъ смотря, ужъ простолюдины
Къ заблужденію себѣ не возьмутъ причины?
Все жъ то это мелкоту́ я здѣсь предлагаю,
Которую по силѣ могу знать и знаю;
Вышшихъ же разсужденій чрезмѣрну примѣту
О безднѣ суевѣрій списать силы столько нѣту.
Такіе то виды су́ть нашей къ Богу чести,
Не понимая чудѐсъ притворныхъ и лести.
Не думай же, что все ту́тъ; нѣтъ тысячной части:
Списать то все, такъ надо въ обморокъ пасти.
Довольно и сихъ тебѣ я собралъ къ примѣру.
Еще мало посмотримъ нашу къ властямъ вѣру.
Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бородою,
Въ святомъ и платьѣ ходитъ, только не съ клюкою,
Во всемъ правдивъ, на̀боженъ: прійдетъ до иконы,
Полъ весь заставитъ дрожа̀ть, какъ кладетъ поклоны!
И чаялъ бы ты, что о́нъ весь въ правости важенъ;
Погляди жъ завтрѣ ажъ гдѣ? въ тюрьмѣ ужъ посаженъ.
Спросишь: «за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?»

Воровствомъ безъ пошлины провозилъ товары.
Эдакой святецъ вотъ что дѣлаетъ безгрѣшный,
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ
спѣшный!
Да чтожъ надъ симъ дивиться, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы: [13])
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будетъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
«Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
«Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
«Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ».
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплементовъ[14]) увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни [15]) не бывало.
А деньги хоть точатся тутъ безперерывно,
Такъ комплементовъ много съ ними, то и не дивно.
Гдѣ если то мнѣ о семъ все сполна писати,
То книжку превелику надобно сшивати.
Полно и такъ можно знать, какъ то сего много:
Добра мало, а полно во всемъ свѣтѣ злаго.
Смотри, лѣтописцы вѣдь полны не даромъ,
Всѣ почти нагружены этимъ же товаромъ.
Что жъ ужъ сказать о нашемъ житьѣ межъусобномъ?
Какъ мы живемъ другъ къ другу во всякомъ дѣлѣ
злобномъ?

Тутъ глаза потемнѣютъ, голова кругомъ ходитъ,
Рука съ перомъ отъ жалю, какъ курица бродитъ.
Грозятъ намъ права земныя, Богъ правосудный,
Чтобъ богатый не былъ правъ, обиженъ и скудный,
Не судило бъ насъ сребро́, но правда святая,
Виннымъ казнь, а правымъ милость подавая.
Мы жъ то помнимъ и знаемъ, какъ сребра не видимъ.
И клянемся Богу, что́ бѣдныхъ не обидимъ,
Но въ правости будемъ о душа́хъ радѣти,
А на лица и сребро́ не станемъ смотрѣти,
Когда жъ несутъ подарки, гдѣ злато блистаетъ,
То вся та мысль за сто вѐрстъ отъ насъ отбѣгаетъ.
Гдѣ Божій и земскій страхъ? Даромъ наши души,
Какъ звонятъ серѐбрянымъ колокольцомъ въ уши,
Подъячій ходитъ сухъ, ху́дъ, лишь кожа да кости,
Вѣдь не съ труда ссохъ, съ коварства да завистной
злости,
Что ему не удается драть такъ, какъ другому;
Нѣтъ чѣмъ жену потѣшить, какъ придетъ до дому,
Лучше бы онъ изволилъ тутъ смерть перетерпѣти,
Нежель надъ чьимъ дѣломъ безъ взятковъ сидѣти.
Вонъ иному, хоть деньги онъ съ казны считаетъ,
А не взять ему гривны—душа смертно таетъ.
Такъ то мы милостивы, къ бѣднымъ правосудны:
Выше душъ ставимъ деньги, не плоше Іуды.
Что жъ когда еще глубже во свѣтъ сей заглянемъ?
Вездѣ безъ удовольства удивляться станемъ.
Философъ деревенскій обросъ сѣдинами.
Сладкими разсуждаетъ о свѣтѣ рѣчами.

«Какъ, говоритъ онъ, тепѐрь чортъ показалъ моду
Грѣхъ великъ творитъ, то ѐсть табакъ пить[16])народу,
Отъ котораго весь ўмъ вредится, темнѣетъ
И мозгъ въ головѣ съ дня на день сушится, тлѣетъ;
Ужъ много такихъ де мы́ образцовъ видали,
Что многіе изъ того́ люди пропадали».
То онъ же обличаетъ въ людяхъ моду грубу,
А себѣ четверико́мъ самъ ѣалитъ за губу.
Такъ-то людей осуждàть мы тотчасъ готовы,
Людей видимъ больныхъ, а сами не здоровы:
Такъ вотъ иной хвàстаетъ, что славу не любитъ,
А самъ за самое то́ съ свѣта людей губитъ.
Говоритъ, лицемѣрство ему непріятно,
А самимъ дѣломъ держàть то внушаетъ внятно.
Теперь въ свѣтѣ семъ буде кто пожить желаетъ,
Пускай правды далеко́ во всемъ отбѣгаетъ:
Инако бо нельзя двўмъ господамъ служити,
Нельзя Богу и свѣту вмѣстѣ угодити.
Такъ-то сей свѣтъ состо́итъ, такъ всѣмъ злымъ пристрастный,
Всѣхъ бѣдствъ, мерзости во всѐмъ полонъ, суестрастный.
Еще жъ то тутъ у насъ нѣтъ милліонной доли,
Ибо тое все списàть нѣтъ силы и воли.
И что жъ, солнце! погрѣшилъ я, такъ разсуждая,
Что если бъ ощущало ты въ свѣтѣ вся злая,
По человѣчески бы могло премѣниться.
И право не престану я о семъ дивиться,
Какъ такъ дана ти воля сіять терпѣливно

На насъ бѣдныхъ, столь Богу живущихъ противно.
Больше со удивлѣнія не могу писати,
И хоть не въ пору, да ужъ принужденъ кончати.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(Въ этой сатирѣ многіе стихи не означены удареніемъ; это тѣ, въ которыхъ удареніе падаетъ не на надлежащемъ слогѣ).

1) Видимо искаженный стихъ; надо полагать «все-то ему ничего» (Объясненіе г. Ефремова).

2) О томъ, какъ смотрѣли на библію даже въ концѣ XVIII ст. можно составить себѣ понятіе, между прочимъ, изъ слѣдующаго свидѣтельства одного изъ писателей той поры, цитируемаго г. Тихонравовымъ: «Никто къ чтенію библіи не увѣщевался и никто не предполагалъ, что библія служитъ даже къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ библію и перелагалъ въ стихи плачъ Іереміи». — Сравни слова Критона о томъ-же въ 1-й сатирѣ Кантемира.

3) Вторая половина стиха въ рукописи искажена.

4) Такія описанія земли находились въ нашихъ раскольничьихъ сочиненіяхъ.

5) Святые.

6) Человѣкъ, ходящій за сохою.

7) Т. е. кто опишетъ тѣхъ, которымъ знакома грамота?

8) Покрывшіяся плѣсенью.

9) Протопопъ Аввакумъ, одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей раскола въ XVII ст.

10) Извѣстный греческій философъ.

11) Кружало—кабакъ.

12) Т. е. то оказалось бы, что излишекъ дохода служилъ бы къ пьянству (Объясненіе г. Ефремова).

13) Заводы ученія—учебныя заведенія. Г. Ефремовъ справедливо замѣчаетъ, что вѣроятно Кантемиръ имѣлъ тутъ въ виду тогдашнюю академію наукъ, дурное состояніе которой его глубоко возмущало.

14) Восхваленій.

15) Тѣни.

16) *Пить* табакъ употреблялось въ старину, особенно у раскольниковъ, вмѣсто *нюхать* табакъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I

Изъ статьи Бѣлинскаго: «Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ» (Т. XII).

Русскую литературу начинаютъ съ Ломоносова— и справедливо. Ломоносовъ былъ дѣйствительно основателемъ русской литературы. Какъ геніальный человѣкъ, онъ далъ ей форму и направленіе, которыя она надолго удержала. Каковы были эта форма и направленіе—вопросъ другой; дѣло въ томъ, что дать форму и направленіе цѣлой литературѣ могъ только человѣкъ необыкновенный. Но не смотря на общее согласіе въ томъ, что русская литература начинается съ Ломоносова, всѣ начинаютъ ея исторію съ Кантемира. Это тоже справедливо. Если Кантемиръ и Тредьяковскій не были основателями русской литературы, ихъ труды нѣкоторымъ образомъ были какъ бы предисловіемъ къ ея основанію. Оба они, особенно послѣдній, брались за то, за что прежде всего должно

было взяться; но оба они не имѣли достаточныхъ средствъ для выполненія предлежавшаго имъ дѣла. Впрочемъ къ Кантемиру это относится гораздо меньше, чѣмъ къ Тредьяковскому. Кантемиръ не столько начинаетъ собою исторію русской литературы, сколько заканчиваетъ періодъ русской письменности. Кантемиръ писалъ такъ называемыми силлабическими стихами — размѣромъ, который совершенно не свойственъ русскому языку; но этотъ размѣръ существовалъ на Руси задолго до Кантемира. Онъ зашелъ къ намъ изъ Польши чрезъ Малороссію, въ XVI столѣтіи. Этимъ размѣромъ писали и Петръ Могила, и Димитрій Ростовскій, и Симеонъ Полоцкій; но ихъ стихи были духовнаго содержанія, не блестѣли поэзіею и отличались однажды навсегда-принятою и неподвижною риторическою формою; Кантемиръ же первый началъ писать стихи, тѣмъ же силлабическимъ размѣромъ, но содержаніе, характеръ и цѣль его стиховъ были уже совсѣмъ другіе, нежели у его предшественниковъ на стихотворческомъ поприщѣ.

Кантемиръ началъ собою исторію свѣтской русской литературы. Вотъ почему всѣ, справедливо считая Ломоносова отцомъ русской литературы, въ то же время не совсѣмъ безъ основанія Кантемиромъ начинаютъ ея исторію. Не смотря на страшную устарѣлость языка, которымъ писалъ Кантемиръ, не смотря на бѣдность поэтическаго элемента въ его стихахъ, Кантемиръ своими сатирами воздвигъ себѣ маленькій, скромный, но тѣмъ не менѣе безсмертный памятникъ

въ русской литературѣ. Имя его уже пережило много эфемерныхъ знаменитостей, и классическихъ, и романтическихъ, и еще переживетъ ихъ многія тысячи. Этотъ человѣкъ, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свелъ поэзію съ жизнью. Поэзія Кантемира уже по тому одному, что она была сатирическою, не могла быть риторическою.

Въ 1730 году написалъ Кантемиръ свою первую сатиру, слѣдовательно ровно за десять лѣтъ до первой оды Ломоносова («На взятіе Хотина»), написанной новымъ размѣромъ. Это едва ли не лучшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Она была направлена противъ обскурантовъ (людей, одержимихъ болѣзнью мракобѣсія), враговъ просвѣщенія... Въ ней, какъ и во всѣхъ сатирахъ Кантемира, нѣтъ ни жолчнаго негодованія, ни бурнаго паѳоса; но въ ней много ума, много комической соли, и есть одушевленіе, тихое, ровное, но постоянно выдерживаемое. Кантемиръ не бичуетъ, а только сѣчетъ обскурантовъ. Оно и естественно: сатира страстная, грозная, бѣшеная, вооруженная свитымъ изъ змѣй бичомъ, сатира въ образѣ Немезиды *), бросающей молніи изъ очей, съ пѣною у рта—такая сатира возможна только или у народа, который уже пережилъ самаго себя, для котораго уже нѣтъ ни выхода, ни будущаго, или у народа, который полонъ еще свѣжихъ силъ, но уже

---

*) Немезида—греческая богиня возмездія за преступленія и грѣхи людей. Она изображалась съ уздою, мечомъ и плетью въ рукѣ. *Ред.*

сознал причины, которыя удерживают его стремленіе на пути дальнѣйшаго развитія. Ни то, ни другое положеніе не могло относиться къ Россіи временъ Кантемира. Прогрессъ, который тогда для нея былъ возможенъ, весь заключался больше въ формѣ, нежели въ духѣ, слѣдовательно былъ слишкомъ внѣшенъ, и потому не могъ имѣть слишкомъ сильныхъ и опасныхъ враговъ. Эти враги были больше смѣшны, нежели странны, и для нихъ нуженъ былъ не свистящій бичъ Ювеналовской сатиры, а легкая лоза насмѣшки и ироніи. И въ этомъ отношеніи сатиры Кантемира были именно такими, какія тогда были нужны и могли быть полезны.

Вторая сатира, «Филаретъ и Евгеній», написанная мѣсяца черезъ два послѣ первой, нападаетъ «на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Это впрочемъ чуть ли не слабѣйшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Въ ней больше разсужденій, больше морали, нежели жолчи. Впрочемъ, и въ ней есть мѣста замѣчательныя, напримѣръ, картина жизни фата, или льва того времени. Въ этомъ отрывкѣ есть стихи (не указываемъ на нихъ: человѣческое чувство читателя ихъ угадаетъ и безъ насъ), которые могутъ служить торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что наша литература, даже въ самомъ началѣ ея, была провозвѣстницею для общества всѣхъ благородныхъ чувствъ, всѣхъ высокихъ понятій. Да, она умѣла не только льстить, но и выговаривать святыя истины о человѣческомъ достоинствѣ. Самая

лесть у нея была не столько убѣжденіемъ, сколько, во первыхъ, подчиненіемъ всѣми принятому обычаю, а во вторыхъ, риторическою манерою. По мнѣ, нѣтъ цѣны этимъ неуклюжимъ стихамъ умнаго, честнаго и добраго Кантемира:

Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій былъ копать садъ, пасть другому скотину;
Ной въ ковчегѣ спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, нравами лишь славныхъ:
Отъ нихъ мы произошли, одинъ поранѣе,
Оставя дудку, соху, другой—попозднѣе.

Третья сатира, «Къ Ѳеофану, епископу новгородскому», написанная въ 1730 году, разсуждаетъ о различіи страстей человѣческихъ. Тутъ осмѣиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы, завистники и т. п. Въ четвертой сатирѣ, написанной въ 1731 г., Кантемиръ спрашиваетъ свою музу, не пора ли имъ перестать писать сатиры? Кантемиръ заключаетъ эту сатиру тѣмъ, что сатиры могутъ не нравиться только дурнымъ людямъ и глупцамъ, на которыхъ нечего смотрѣть:

Такимъ однимъ сатира наша быть противна
Можетъ; да ихъ нечего щадить, и не дивна
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ страшенъ мало.
Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало
Вестись, чтобы не почернѣть, касаяся сажи;
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной стражи
Нахожуся матери отечества правой.
А коимъ Богъ чистой духъ далъ и разумъ здравой
Беззлобны беззлобные наши стихи взлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,

Можетъ быть, или уменьшатъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы, и славы!

Въ этихъ стихахъ—весь Кантемиръ! Этотъ человѣкъ не былъ поэтомъ; непосредственный художественный талантъ не былъ его удѣломъ. Его поэзія—поэзія ума здраваго смысла и благороднаго сердца. Кантемиръ въ своихъ стихахъ—не поэтъ, а публицистъ, пишущій о нравахъ энергически и остроумно. Насмѣшка и иронія—вотъ въ чемъ заключается талантъ Кантемира. Пятая сатира, «Сатиръ и Періергъ», написанная въ 1737 году, въ Лондонѣ, устремлена на «человѣческія злонравія вообще». Ея форма очень изыскана, и въ цѣломъ она скучна; но подробности есть удивительныя. Шестая сатира, написанная въ 1738 году, разсуждаетъ «о истинномъ блаженствѣ». Сатирикъ доказываетъ въ ней, что истинное счастіе заключается въ благоразумной серединѣ и въ бесѣдѣ съ музами. Седьмая сатира, «Къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому», написанная въ 1739 году, въ Парижѣ, разсуждаетъ «о воспитаніи». Эта сатира исполнена такихъ здравыхъ, гуманныхъ понятій о воспитаніи, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающіе въ бракъ предварительно заучивали ее наизусть. Восьмая сатира, «На безстыдну нахальчивость», написанная въ 1739 году, въ Парижѣ, заключаетъ въ себѣ понятіе сатирика о скромности. Онъ говоритъ о томъ, какъ осторожно пишетъ свои стихи, не лѣнится ихъ «хѣрить», прячетъ ихъ на-

долго въ ящикѣ, и, собираясь напечатать, выправляетъ *).

Всѣ стихотворные, равно какъ и прозаическіе труды Кантемира очень важны, какъ первые опыты, которые должны были и другихъ подвигнуть къ литературной дѣятельности; важны они еще и какъ первый памятникъ тяжелой борьбы умнаго, ученаго и даровитаго писателя съ трудностями языка не только не разработаннаго, но и нетронутаго, подобно полю, которое, кромѣ дикихъ самородныхъ травъ, ничего не произращало. Перо Кантемира было первымъ плугомъ, которое прошло по этому полю. Скажутъ: у насъ и до Кантемира была словесность. Такъ, но какая? теологически-схоластическая, или лѣтописная, или наконецъ, состоявшая изъ произведеній народной поэзіи. Но честь усилія — найти на русскомъ языкѣ выраженіе для идей, понятій и предметовъ совершенно новой сферы—европейской, принадлежитъ прямѣе всѣхъ Кантемиру. И еще большее и высшее значеніе имѣютъ его сатиры. Здѣсь Кантемиръ является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою того Петра Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣлся еще въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ, Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россіи,

*) О девятой сатирѣ Бѣлинскій не говоритъ, потому что въ его время она еще была неизвѣстна. (См. наши «Вступительныя Замѣтки»).

приготовлено имъ же. О, какъ бы горячо обнялъ великій преобразователь двадцатилѣтняго стихотворца, если бы дожилъ до его первой сатиры! Но за Петра это сдѣлалъ одинъ изъ птенцовъ его орлинаго гнѣзда — Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сатиры Кантемира — подражаніе и большею частію то переводъ, то передѣлка сатиръ Горація, Буало и частію—Ювенала *); но тѣмъ не менѣе, онѣ — въ высшей степени оригинальныя произведенія: такъ умѣлъ Кантемиръ примѣнить ихъ къ быту и потребностямъ русскаго общества! Онъ не нападаетъ въ нихъ на пороки, свойственные созрѣвшимъ и перезрѣвшимъ цивилизаціямъ: нѣтъ, онъ нападаетъ на фанатизмъ невѣжества, на предразсудки современнаго ему русскаго общества. Во второй сатирѣ онъ осмѣиваетъ дворянскую спѣсь — порокъ, столь же свойственный русскимъ, сколько и всякому другому народу въ Европѣ; но колоритъ этого порока, равно какъ и манера нападать на него, въ его сатирѣ — чисто русскіе. Короче: подражая Горацію и Буало, Кантемиръ до того обрусилъ ихъ въ своихъ сатирахъ, что аббатъ Гуаско не усомнился перевести ихъ на французскій языкъ, какъ произведенія, которыя для французовъ могли имѣть свою прелесть ори-

*) Горацій и Ювеналъ — писатели римскіе; первый умеръ въ 8 г. до Р. Х. и писалъ оды, эподы, сатиры и посланія; второй сочинялъ свои знаменитыя сатиры въ царствованіе императора Клавдія. Буало, французскій писатель времени Людовика XIV, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей французскаго псевдо-классицизма и усердно старался подражать Горацію въ своихъ сатирахъ и посланіяхъ. *Ред.*

гинальности. И вотъ въ чемъ состоитъ великая заслуга Кантемира не только передъ русскимъ языкомъ, или русскою литературою, но и передъ русскимъ обществомъ его времени.

Кантемиръ, по своему болѣзненному сложенію, меланхолическому характеру, былъ наклоненъ къ нравственному дидактизму. Немножко суровый моралистъ, (что́ доказываетъ его раскаяніе въ любовныхъ пѣсняхъ), и весьма остроумный человѣкъ, Кантемиръ любилъ только избранное общество, слѣдовательно не любилъ общества вообще, которое оскорбляло его своими пороками и недостатками; такой характеръ предполагаетъ раздражительность и любовь къ уединенію. Всѣ эти обстоятельства дѣлали Кантемира сатирикомъ. По языку неточному, неопредѣленному, по конструкціи часто запутанной, не говоря уже о страшной устарѣлости въ наше время того и другаго, по стихосложенію, столь несвойственному русской просодіи, сатиры Кантемира нельзя читать безъ нѣкотораго напряженія, тѣмъ болѣе нельзя ихъ читать много и долго. Но не смотря на то, въ нихъ столько оригинальности, столько ума и остроумія, такія яркія и вѣрныя картины тогдашняго общества, личность автора отражается въ нихъ такъ прекрасно, такъ человѣчно, что развернуть изрѣдка старика Кантемира и прочесть которую нибудь изъ его сатиръ есть истинное наслажденіе.

II.

Изъ статьи С. Дудышкина. (Современникъ, 1848 г. № 11).

Кантемиръ подражалъ Горацію, Ювеналу, Буало. Уже по самому значенію сатиры, исключительно обусловленной временемъ, пространствомъ и личными отношеніями сатирика, можно напередъ сказать, что всякое подражаніе будетъ въ этомъ случаѣ неудачно. Дѣйствительно, такъ и выходитъ. Возьмемъ напримѣръ сатиру VI, въ которой Кантемиръ больше всего подражалъ Горацію. Вся эта сатира не можетъ быть названа истинной сатирой, по содержанію своему и потому, что она есть подражаніе фальшивымъ сатирамъ Горація, и потому, что она нисколько не гармонируетъ съ тою дѣятельностью, которую придалъ Россіи Петръ, обновивъ ея силы, и наконецъ потому, что она противорѣчитъ личному характеру Кантемира, человѣка дѣятельнаго на поприщѣ государственномъ. То, что это не сатира, доказывается уже содержаніемъ ея: вся она есть наборъ доказательствъ въ потвержденіе истины, что дѣятельность—пустяки, что жить значитъ уединиться, уѣхать подальше отъ людей, набрать съ собою побольше книгъ, читать, думать, мечтать, поболтать съ другомъ... и, само собою разумѣется, выпить съ нимъ хорошаго вина, пообѣдать хорошо, такъ, какъ можно пообѣдать у лучшаго ресторатора въ городѣ... Однимъ словомъ,

извѣстная философія, порожденная въ то время, когда люди хотѣли прикрыть свое слабодушіе, эгоизмъ и физическую изнѣженность какою нибудь системою философіи. Она проста: «не будемъ дѣлать ничего для другихъ, а все для самихъ себя». Отсюда насмѣшка надъ людьми, которые дѣйствуютъ, будетъ ли то на поприщѣ политическомъ, гдѣ они добываютъ себѣ власть и почесть, или на поприщѣ промышленномъ, гдѣ они собираютъ капиталы и уваженіе за безукоризненный трудъ. Горацій, котораго копировалъ въ этой сатирѣ Кантемиръ, не разъ воспѣвалъ такаго рода философію: «счастливъ тотъ, кто вдали отъ дѣлъ, по примѣру первобытныхъ людей, воздѣлываетъ волами наслѣдственное поле и свободенъ отъ заботъ корыстолюбія». Что же дѣлаетъ самъ Горацій? Трудится? Вотъ отвѣтъ: «Предѣлъ моихъ желаній былъ: скромное помѣстье, въ которомъ бы у меня былъ садикъ; близъ дома источникъ неизсякаемый и маленькая рощица; но боги дали мнѣ и лучше, и больше... да будетъ имъ хвала за это! Мое единственное желаніе, о Геркулесъ!—утучни мое стадо и все остальное, за исключеніемъ моего ума, и будь всегда, какъ ты и былъ, моимъ мощнымъ покровителемъ». Въ одной сатирѣ онъ разсуждаетъ о томъ, кто счастливъ—тотъ ли, кто стремится къ новымъ и новымъ пріобрѣтеніямъ, или тотъ, кто владѣетъ умѣреннымъ состояніемъ. Горацій рѣшаетъ въ пользу «золотой середины».

Горацій смотрѣлъ на свѣтъ глазами философа, т. е. не оскорблялся недостатками людей и только нахо-

дилъ ихъ забавными. Мы должны сказать, что смотрѣть на міръ глазами такаго философа, который удаляется отъ него, лишь бы ему было покойно, есть величайшій недостатокъ въ человѣкѣ, призванномъ къ жизни вмѣстѣ съ другими людьми; а какъ только онъ удалился отъ свѣта, изолировалъ себя, то конечно недостатки людей могли казаться ему забавными... Возьмите же образъ мыслей поэта золотой середины и примѣните его къ эпохѣ Петра, къ тому времени, когда онъ заставилъ всѣхъ служить и работать, когда онъ указалъ службѣ и работѣ новую цѣль, когда онъ преобразовывалъ составъ людей, работающихъ на пользу общественную, когда онъ обѣщалъ имъ табелью о рангахъ такой почетъ, котораго они никогда не могли видѣть на основаніи древнихъ мѣстническихъ правилъ, когда онъ классъ промышленный безпрестанно поощрялъ и старался создать изъ нихъ новую храмину, незнакомую для древней Руси; припомните войны, преобразованія, постройки, ученье, поѣздки заграницу — и вы увидите, какъ эта гораціянская философія шла мало къ эпохѣ созиданія. Ученіе Горація вышло изъ эпохи, когда все рушилось, когда древнее зданіе распадалось; Кантемиръ жилъ въ эпоху возобновленія государственнаго. Истинный сатирикъ Рима—Ювеналъ, негодуя на современниковъ, указывалъ на прошедшій блестящій вѣкъ; сатирикъ русскій, негодуя на современные пороки, долженъ былъ указывать вдаль, на будущее, въ которомъ виднѣлось довершеніе начатаго,

блестящая точка, къ которой стремился Петръ. Слѣдовательно, основная идея сатиръ Горацiевыхъ, проповѣдующихъ удаленiе отъ суеты и заботъ, была фальшива и у Горацiя въ отношенiи къ Риму, и у Кантемира въ отношенiи къ Россiи.

Но мы сказали выше, что сатира Кантемира, содержанiе которой онъ занялъ у Горацiя, была ложна въ примѣненiи къ жизни и самаго нашего сатирика; это доказывается его политическимъ поприщемъ, отъ котораго онъ никогда не отказывался *), и другими мѣстами его сатиръ, въ которыхъ дѣятельность разсматривается совсѣмъ не съ такой эпикурейской **) точки зрѣнiя. Кантемиръ подражалъ и другому римскому сатирику—Ювеналу. Справедливо. Но что значитъ подражать Ювеналу? тоже ли, что подражать Горацiю?—Совсѣмъ нѣтъ: Ювеналу, какъ истинному сатирику, будетъ каждый подражать, если будетъ только настоящимъ сатирикомъ; съ другой стороны, Ювеналу совершенно нельзя подражать... Ювеналъ нацiоналенъ, его негодованiе изливается на пороки и недостатки римскаго общества, онъ ихъ клеймитъ собственными именами лицъ, случаями изъ жизни

*) Кантемиръ занималъ должность посланника сперва при лондонскомъ, потомъ при парижскомъ дворѣ. *Ред.*

**) Ученiе эпикурейцевъ, послѣдователей греческаго философа Эпикура (334 г. до Р. Х.), ставило наслажденiе земными благами главнымъ основанiемъ человѣческой дѣятельности. Высшими наслажденiями оно признавало свободу человѣка отъ страха и желанiй и отсутствiе труда и заботъ. *Ред.*

римской, обусловленной тогдашнимъ состояніемъ имперіи. У него мало общихъ мѣстъ, его сатиры большею частію—строгія картины, а не разсужденія; у него сатира есть поэзія, потому что вся исполнена чувства, и художественная картина, потому что представлена въ образахъ, въ лицахъ... Оттого она и была такъ сильна, оттого ея и боялись всѣ: и изнѣженные поэты, и патриціи, и плебеи, и женщины, и мужчины, и ученые, и неученые, и риторы, и грамматики, и философы... Ювеналъ—великій народный сатирикъ, которому нельзя подражать, потому что нельзя вторично воспроизвести такое ужасное состояніе государства и народа! Слѣдовательно, воспроизведеніе его сатиръ по самой идеѣ невозможно. И такому поэту будетъ подражать только тотъ, кто съумѣетъ глубоко понять недостатки своего народа и передастъ ихъ потомству... Переносить недостатки одного народа на другой — тоже, что перекладывать водевили съ однихъ нравовъ на другіе. Поддѣлка не скроется съ глазъ, а отсутствіе одушевленія убьетъ достоинство сатиры.

Что касается до подражанія Кантемира Буало, то прежде всего должно замѣтить, что самъ Буало былъ подражатель. Всего изъ двѣнадцати три сатиры его собственныхъ, да и изъ нихъ вторая и двѣнадцатая ничтожны по содержанію. Слѣдовательно, у Кантемира подражаніе Буало было ничто иное, какъ подражаніе латинскимъ сатирикамъ. Пятая сатира Кантемира есть ничто иное, какъ восьмая са-

тира Буало. Содержаніе ея—человѣкъ вообще и его смѣшныя стороны.

Кантемиръ въ своихъ сатирахъ нападалъ на двѣ стороны тогдашняго русскаго общества: на невѣжество и прежнее родовое начало, обусловливавшее мѣстничество, и выставлялъ два другія начала, которымъ должно было слѣдовать общество: образованіе и нераздѣльныя съ нимъ личныя заслуги на пользу государственную. Вотъ двѣ идеи, имъ высказанныя; въ обѣихъ онъ былъ сатирикомъ, когда рисовалъ предъ вашимъ воображеніемъ рядъ невѣждъ и людей, не понимавшихъ значенія новыхъ ранговъ, учрежденныхъ Петромъ I. Въ сатирѣ къ князю Трубецкому онъ говоритъ о важности воспитанія въ дѣлѣ общественномъ и разсуждаетъ о способахъ лучшаго воспитанія. Это дидактизмъ, хотя и въ этой сатирѣ есть также мѣста, полныя чувства, ироніи — однимъ словомъ, мѣста чисто сатирическія. По идеѣ она составляетъ продолженіе, или, лучше сказать, вторую половину первой сатиры на невѣжество, какъ контрастъ ея, какъ средство избавиться отъ невѣжества.

Что же послѣ этого мы должны сказать о томъ, подражалъ ли Кантемиръ Горацію или Ювеналу и Буало, или не подражалъ? или подражалъ кому нибудь изъ нихъ исключительно? соединилъ ли онъ въ себѣ Ювенала и Горація? Мы уже говорили выше, что въ сатирѣ нельзя подражать другимъ сатирикамъ, потому что нельзя переносить отъ одного народа на

другой его болѣзни недостатки, пороки и т. д. Каждая эпоха, каждый народъ приноситъ съ собою нѣсколько слабостей, или только ему исключительно свойственныхъ, или, если общечеловѣческихъ, то съ особымъ народнымъ оттѣнкомъ. Что же послѣ этого значитъ подражать другому сатирику? Кантемиръ попробовалъ подражать Горацію, и въ своемъ подражаніи нисколько не былъ сатирикомъ, такъ, какъ и самъ образецъ его; онъ подражалъ Ювеналу, но подражалъ въ томъ, что напалъ на тотъ же недостатокъ народный, который существовалъ и въ Римѣ, и въ Россіи. Оттѣнки его были различны, и поэтому Кантемиръ эту идею обставилъ своими картинами. Поэтому тамъ, гдѣ Кантемиръ дѣйствительно былъ сатирикомъ, онъ не былъ подражателемъ; тамъ чувство его было неподдѣльно. Но великій ли сатирикъ былъ онъ? кто выше: Ювеналъ, Горацій, Буало или Кантемиръ? Если уже прибѣгать къ сравненіямъ, то мы не будемъ сравнивать Кантемира ни съ Гораціемъ, ни съ Буало, потому что и того, и другаго, какъ мы выше видѣли, нельзя иначе назвать, какъ поддѣльными сатириками. Ложь ихъ заключается въ содержаніи сатиръ; они нападали на недостатки мнимые или до того общіе, что ихъ сатиры не имѣли никакого сатирическаго значенія. Сверхъ того, они часто философствовали въ своихъ сатирахъ, слѣдовательно уже совершенно уклонялись отъ цѣли сатиры. Что же касается до Ювенала, то этотъ великій сатирикъ перебралъ одну за другою

всѣ слабости, всѣ недостатки римскаго общества своей эпохи. Отъ него не ушла ни одна сторона жизни. Свои сатиры какъ сѣть накинулъ онъ на развращенную массу народа. Каждая его сатира неподдѣльна, исполнена чувства оскорбленнаго человѣческаго достоинства; каждая его сатира — лирическое произведеніе. Кантемиръ не такъ многообъемлющъ. Онъ взялъ изъ русскаго общества двѣ стороны и старался ихъ очертить по возможности вѣрнѣе. Въ этомъ очертаніи вы видите неподдѣльность и чувство истиннаго сатирика. Въ этомъ случаѣ онъ и по содержанію, и по обработкѣ занимаетъ почетное мѣсто въ сатирической литературѣ. Но онъ не коснулся другихъ сторонъ русской жизни своего времени, богатой по сюжетамъ для сатиры. Въ его сатирахъ вы не видите всѣхъ толковъ и пересудовъ необразованной толпы того времени—пересудовъ, которые были велики, потому что преобразованія Петра касались всѣхъ сторонъ нашей жизни; вы не видите полной картины до-петровскаго быта нашихъ городовъ, вы не видите полной жизни высшаго класса народа — жизни, которую преслѣдовалъ Петръ и которую хотѣлъ измѣнить. Когда вы прочтете Ювенала, предъ вами начинаютъ возникать сословіе за сословіемъ, однѣ группы за другими, пока вы не увидите цѣлой массы движущагося населенія. У Кантемира этого нѣтъ; онъ не обнялъ въ такой полнотѣ русской жизни. Даже въ сатирѣ на невѣжество онъ привелъ только два мнѣнія, враждебныя просвѣщенію: мнѣніе

необразованнаго духовенства и мнѣніе того же дворянства, и то въ отношеніи къ послѣднему болѣе въ общихъ чертахъ.

Но несмотря на это, за Кантемиромъ всегда останутся его заслуги: онъ первый въ литературномъ мірѣ обратился къ русскому обществу и искалъ въ немъ предмета для стихотворства; онъ же первый открыто, неподдѣльно началъ сатирическую нашу литературу. Онъ не былъ простой версификаторъ, онъ былъ человѣкъ, образованный выше многихъ въ свое время, онъ былъ человѣкъ, сознававшій потребности Россіи и благородно дѣйствовавшій на открытомъ ему поприщѣ, сколько позволяли силы. Несчастный силлабическій стихъ только сдѣлалъ то, что его мало читаютъ, и слѣдовательно мало знаютъ.

III.

Изъ статьи г. Галахова, по поводу изданія сочиненій Кантемира (Отечеств. Записки, 1848 г., № 11).

Въ краткій періодъ времени, протекшій между дѣйствіями Петра и появленіемъ сатиръ Кантемира (первая сатира написана въ 1729 г.), могли обнаружиться только первоначальные результаты просвѣщенія и не могли обнаружиться его слѣдствія дальнѣйшія, крайнія. Общество не было еще готово для зарожденія въ себѣ того класса, который вооу-

жается противъ просвѣщенія во имя самого просвѣщенія, т. е. во имя тѣхъ выводовъ, которые должны вытекать безъ насилія изъ началъ, положенныхъ просвѣщеніемъ. Не могла также въ значительной силѣ сформироваться среда новыхъ невѣждъ, которые, помимо существеннаго, прицѣпляются къ случайному и, не умѣя понять внутренняго значенія полезныхъ преобразованій, принимаютъ единственно ихъ поверхностныя отличія.

Итакъ, въ то время, когда писалъ Кантемиръ, реформа Петра могла имѣть только два рода враговъ: съ одной стороны, ненавистники просвѣщенія, хулители наукъ; съ другой—люди, дурно понявшіе идею Преобразователя Россіи. Если закоснѣлые поборники стараго всею силою упорства противодѣйствовали ходу образованія, то не менѣе противодѣйствовали ему, хотя другимъ образомъ, уклонившіеся въ сторону отъ главной дороги, исказившіе смыслъ улучшеній—люди, принявшіе заимствованіе внѣшнихъ европейскихъ обычаевъ за сущность дѣла. Если тамъ находились ханжа Критонъ, прикрывавшій себя религіозной ревностью, дворянинъ Сильванъ, ставившій доходы выше науки, пьяница Лука, любившій пиры и веселья, то здѣсь, въ кругу внѣшняго полуобразованія, въ кругу людей новаго поколѣнія, непонявшихъ реформы, зародились Медоры, которые умѣли только завивать кудри, цѣнили фунтъ пудры выше Сенеки и увѣрены были, что передъ сапожникомъ Егоромъ Виргилій не стоитъ двухъ денегъ, и что по-

хвала приличнѣе портному Рексу, нежели Цицерону. Въ этомъ новомъ, но также невѣжественномъ поколѣніи, судья хотя и вздѣвалъ парикъ съ узлами, однакожъ этотъ нарядъ не мѣшалъ ему бранить того, кто просилъ съ пустыми руками, презирать жестокимъ сердцемъ слезы бѣдныхъ и спать на стулѣ въ то время, когда дьякъ читалъ выписку изъ дѣла...

Придворныя партіи въ царствованіе Петра Втораго также выражали два порядка вещей. Одни противоборствовали нововведеніямъ, еще предъ кончиною Петра Великаго имѣя намѣреніе возстановить старые обычаи, уничтоженные преобразователемъ Россіи. Другіе сочувствовали идеямъ Петра. Къ послѣднимъ принадлежали Ѳеофанъ Прокоповичъ, князь Трубецкой, принцъ гессен — гомбургскій Людовикъ, князь Черкасскій и другіе.

Въ такое-то время началъ писать Кантемиръ, раздѣлявшій образъ мыслей второй партіи. Съ чѣмъ же онъ явился? какой родъ произведеній выбралъ?..

Литература—выраженіе жизни въ словѣ. Но въ жизни двѣ стороны, свѣтлая и темная, слѣдовательно литература можетъ выражать ту или другую сторону. Общество Кантемировой эпохи состояло тоже изъ свѣта и тьмы. Свѣтъ — постепенно развивавшееся образованіе; тьма—вражда къ просвѣщенію. Почему Кантемиръ выбралъ матеріаломъ для своихъ произведеній послѣднее, а не первое—порицаніе, а не похвалу?

Такой выборъ имѣлъ три побужденія.

Первое заключается въ самомъ писателѣ, въ данныхъ его характера. Орудіе, которымъ дѣйствуетъ авторъ, дается природою, и онъ, покорный природѣ, употребляетъ въ дѣло врожденную способность. Образованіе можетъ изострить или притупить орудіе, удержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ или употребить во зло, но сущность врожденнаго останется неизмѣнною: она не перейдетъ въ другую сущность. Отъ естественнаго отказаться нельзя, точно также, какъ естественное не отказывается отъ насъ. По врожденной наклонности, человѣкъ становится Демокритомъ или Гераклитомъ *), смѣется или плачетъ, видитъ жизнь достойную слезъ или жизнь достойную смѣха. Въ поэзіи то же, что въ философіи: тогда какъ одинъ поэтъ приходитъ въ восторгъ отъ успѣшнаго хода человѣческихъ дѣяній, другой смотритъ на другую сторону медали и негодуетъ или смѣется—негодуетъ на пороки и невѣжество, смѣется надъ глупостью и странностями. Кантемиръ пишетъ сатиры, Ломоносовъ почти вслѣдъ за нимъ—торжественныя оды и героическую поэму. Державинъ и Фонъ-Визинъ, современники, идутъ неодинаковыми путями.

---

*) Демокритъ—греческій философъ, жившій въ 5 ст. до Р. Х., полагавшій цѣлью всякаго познанія полное душевное спокойствіе, вслѣдствіе чего вѣроятно преданіе изобразило его *вѣчно смѣющимся.* точно также какъ представляло оно Гераклита, тоже греческаго философа, процвѣтавшаго около 500 г. до Р. Х., *вѣчно плачущимъ,* вслѣдствіе его мрачнаго взгляда на жизнь.

Второе побужденіе дано обществомъ, которое окружало писателя. Различные характеры эпохъ требуютъ различныхъ поэтическихъ формъ. Состояніе общества, современнаго Кантемиру, можно назвать борьбою невѣжества съ просвѣщеніемъ, старой жизни съ новою—а такая борьба требуетъ, для выраженія своего, сатиры. Батюшковъ мѣтко указалъ это вліяніе современныхъ потребностей на выборъ поэтической формы. Вотъ что заставляетъ онъ говорить Кантемира: «Петръ «Великій, преобразуя Россію, старался преобразо-«вать и нравы: новое поприще открылось наблюда-«телю человѣчества и страстей его. Мы увидѣли въ «древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и но-«визны, двѣ стихіи въ безпрестанной борьбѣ одна «съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый «родъ жизни, новый языкъ не могли еще измѣнить «древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные «бояре, надѣвая парикъ и новое платье, оставались «съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрям-«ствомъ, и тѣмъ казались еще страннѣе; другіе, «отложа бороду и длинный кафтанъ праотеческій, «съ платьемъ европейскимъ надѣвали всѣ пороки, «всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей «любезности и людности занять не умѣли. Гордость «и низость, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный «развратъ, скупость и расточительность неимовѣрная: «однимъ словомъ, страсти, по всему противополож-«ныя, сливались чудеснымъ образомъ и представляли «новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и фило-

«софу, который только ощупью и съ Гораціемъ въ «рукахъ могъ отыскать счастливую средину вещей». (См. «*Вечеръ у Кантемира*»).

Третье побужденіе могло выйти изъ подражательности. Горацій былъ любимецъ Кантемира, который отыскивалъ съ нимъ «златую средину вещей»; Буало считался въ то время не только первымъ сатирикомъ, но и законодателемъ въ наукѣ стихотворства. Хорошо знакомый съ тѣмъ и другимъ, Кантемиръ могъ конечно предпочесть выбранную имъ форму всѣмъ прочимъ поэтическимъ формамъ, изъ уваженія или особеннаго пристрастія къ громкому имени Горація, по мнѣнію котораго сатира—стихотвореніе, неизвѣстное грекамъ (Graecis intactum carmen)—изобрѣтена римлянами, и еще болѣе—къ громкому имени Буало, о которомъ восторженные французы говорили: «il était destiné à éclairer son siècle» *).

Руководимый этими побужденіями, Кантемиръ выбралъ для выраженія своихъ мыслей сатиру.

Содержаніемъ сатиръ Кантемира служитъ выраженіе негодованія или насмѣшки, вызванныхъ врагами Петровой реформы. Враговъ этихъ было два рода: приверженцы старины, не хотѣвшіе вовсе принять идеи великаго преобразователя, и безсмысленные послѣдователи новизны, плохо или даже превратно понимавшіе характеръ преобразованій. Кантемиръ преимущественно вооружается противъ пер-

---

*) Т. е. онъ былъ назначенъ судьбою для просвѣщенія своего вѣка.

выхъ; однакожъ есть у него злыя выходки и противъ вторыхъ. Онъ самъ указываетъ на другую сторону своего сатирическаго направленія ироніей слѣдующихъ стиховъ:

Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ,
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ (Сат. II, стих. 167—187).

Въ этомъ отношеніи, чрезвычайно любопытны 136—187 стихи второй сатиры: они содержатъ въ себѣ яркое описаніе современнаго щеголя, вѣрную копію тѣхъ верхоглядовъ, которые, посѣтивъ чужіе края, усвоили себѣ одинъ внѣшній блескъ европейской жизни, выучились только умѣнью одѣваться по модѣ, да искусству пировать.

Есть и въ первой сатирѣ нѣсколько стиховъ, направленныхъ противъ людей того же сорта: на ряду съ старыми хулителями ученія, поставленъ новый, Медоръ, который

» . . . . тужитъ, что черезъ чуръ бумаги исходитъ
На письмо, на печать книгъ, а ему приходитъ
Что не во что завертѣть завитыя кудри.

Но большая часть негодованія и насмѣшекъ обращена Кантемиромъ на упорство старины. Бичомъ своей сатиры преслѣдуетъ онъ въ особенности тѣхъ, которые, по словамъ Өеофана, «не любили ученой дружины». Онъ зналъ, что передовое зло времени гнѣздилось въ невѣжествѣ, и потому первая сатира его, написанная въ 1729 г., на двадцатомъ году

возраста, преслѣдуетъ обскурантовъ, т. е. поклонниковъ умственной тьмы. Въ хронологическомъ порядкѣ появленія сатиръ есть разумная послѣдовательность: она объясняется состояніемъ общества, его пороками, болѣе или менѣе важными. Вражда къ просвѣщенію была главнымъ чувствомъ старой жизни, и Кантемиръ прежде всего осмѣиваетъ тѣхъ своихъ согражданъ, которые проповѣдывали безполезность наукъ. Даже внутреннее достоинство его произведеній совпадаетъ съ важностью общественнаго блага, во имя котораго онъ ратовалъ, съ силою общественнаго зла, противъ котораго онъ ратовалъ: сатира его, первая по времени, есть въ то же время первая и по литературному значенію; она беретъ преимущество надъ прочими силою правдивыхъ укоризнъ. За невѣжествомъ шло ближайшее, непосредственное его слѣдствіе — превратное понятіе о достоинствѣ человѣка: внѣшнее предпочиталось внутреннему, случайное — существенному. При завязавшейся послѣ Петра борьбѣ стараго съ новымъ, рѣзко обнаружилось различіе понятій объ истинномъ достоинствѣ человѣка; эти понятія выражены второю сатирою («Объ истинномъ благородствѣ»).

Содержаніе всѣхъ сатиръ Кантемира оригинальное, форма—заимствованная. Собственный матеріалъ располагается въ нихъ по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ, и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя, мѣстныя и временныя от-

личія изображаемаго; подражательность же—въ способѣ представлять избранный предметъ, въ тѣхъ пріемахъ, которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ, большею частію видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ—русское, ему современное. Нельзя сказать, чтобъ, пользуясь чужимъ добромъ, онъ всегда ловко примѣнялъ его къ добру благопріобрѣтенному; иногда переложеніе иноземнаго на отечественное неудачно, иногда первое красуется подлѣ втораго, безъ малѣйшаго измѣненія. Но скоро ли и послѣ Кантемира исчезла эта странная смѣсь древне-классическаго съ національнымъ? Стихотворцы, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени, пестрили свои созданія ненужною вставкою латинскихъ и греческихъ предметовъ. Тѣмъ понятнѣе, тѣмъ извинительнѣе такая привычка въ Кантемирѣ, который все время провождалъ «между Греки и Латины».

Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, Кантемиръ заимствуетъ у нихъ не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе пріемы; не сущность мыслей, а матеріалъ слога. Это — чужая канва, по которой онъ выводитъ свои узоры; въ готовыя формы вставлялъ онъ изображеніе современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Писалъ же онъ по влеченію чувства,

по наклонности внутренней; слѣдовательно можетъ назваться истиннымъ творцомъ своихъ произведеній, не смотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обработываетъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ конечно не изъятъ изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи, не для того, чтобъ слѣдовать имъ рабски, но чтобъ преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, черезъ которыя нѣкогда пришли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ людей съ одинакимъ вкусомъ, стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ—не значитъ ли это быть въ нѣкоторомъ отношеніи писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ? Подражая, мы, такъ сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода: природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же, Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, а исповѣданное заимствованіе не есть похищеніе.

Отличительныя свойства сатиръ Кантемира объясняются его характеромъ, его понятіемъ о сатирѣ и его воззрѣніемъ на нравственность.

Кантемиръ былъ человѣкъ благородный и справедливый, но вмѣстѣ кроткій и меланхолическаго тем-

перамента. Люди такаго свойства не способны къ грозному негодованію: они вооружаются противъ враговъ правды и науки насмѣшкой, ироніей, дидактизмомъ. Осторожный, (что̀ доказываетъ его дипломатическая дѣятельность), застѣнчивый, какъ онъ самъ объявляетъ въ своихъ сатирахъ, любитель уединенія и наукъ. Кантемиръ дорожилъ своимъ внутреннимъ сокровищемъ, то-есть стремленіемъ къ нравственному достоинству, учеными занятіями, сознаніемъ важности просвѣщенія и благодѣтельныхъ слѣдствій Петровой реформы, но въ то же время думалъ, что враги просвѣщенія и человѣческаго достоинства «боятся больше посмѣянія», нежели гнѣва, карающей сатиры, грознаго обличенія. По его понятію, цѣль сатиры — исправлять человѣческіе нравы; но какимъ образомъ достигаетъ она этой цѣли? «Забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе». Въ намѣреніи своемъ она «сходна съ нравоучительными сочиненіями, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что слогъ ея простой и веселый». Достоинство такихъ «забавныхъ» сатиръ основывается конечно на силѣ остроумія: Кантемиръ имѣлъ его, но не граціозное, какъ у Горація, не язвительно-тонкое, какъ у Буало. Главный характеръ его насмѣшливости, какъ мы выше сказали, состоялъ въ чистосердечіи и внятности, въ смѣлой и откровенной хулѣ. «Всякое злонравіе непріятно тебѣ», говоритъ авторъ, обращаясь къ своей сатирѣ...

Взглядъ автора на сатиру выраженъ имъ въ четвертой сатирѣ («Къ Музѣ своей»). Горацій называетъ

свою сатирическую дѣятельность инстинктомъ (первая сатира второй книги); Кантемиръ также объявляетъ, что ему «сродно» писать сатиру, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ. Такъ какъ трудно идти противъ природы, которая влетитъ въ окно, если выгонишь ее въ дверь, то напрасно думалъ нашъ сатирикъ сломить нравъ своей музы: она упорно отказывалась сплетать похвальные стихи недостойнымъ, стихи ложной хвалы, заклейменные отъ Кантемира именемъ «гадкихъ». Умъ автора становился тогда лѣнивымъ, слова вязли въ зубахъ—не забавныя, не сильныя, не красивыя, не новыя; но какъ только усматривалъ онъ вредное въ нравахъ, муза его оказывалась гораздо умнѣе, стихъ ложился свободнѣе:

Тогда я стихотворцемъ самъ себя поставлю,
И чтецовъ моихъ зѣвать тщетно не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
. . . .

Осторожность и разборчивость управляли однакожъ его инстинктомъ: хуля злые нравы, онъ боялся открыть злонравнаго слишкомъ ясными примѣтами. Писать сатирическіе стихи, по его мнѣнію, то же, что отворять кровь: надобно выпустить ее въ мѣру. И потому, плача въ сердцѣ о дурныхъ людяхъ и смѣясь надъ ними въ стихахъ, онъ не выставлялъ ихъ именъ (35 стихъ четвертой сатиры). Такая осторожность не помѣшала впрочемъ узнать нѣкоторыя, даже историческія лица въ забавныхъ очеркахъ сатирика, а современникамъ—вооружаться противъ его сочине-

ній. Чистосердечная сатира колола многимъ глаза: одинъ жаловался, что авторъ, выставляя пьяницъ (въ 1-й и 3-й сатирахъ) умалялъ кружальные доходы; другой уличалъ его въ безбожіи, и доносомъ, болѣе чѣмъ въ три тетради доказывалъ,

Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантію ризою звать смѣло;

третій вооружался противъ улики во взяткахъ. Однимъ словомъ, восклицаетъ авторъ, лучше вѣкъ не писать, нежели писать сатиру, которая навлекаетъ на меня ненависть всѣхъ людей. Многіе стихи сатиръ, особенно четвертой, означаютъ вліяніе, произведенное литературною его дѣятельностью. Это вліяніе (такъ надѣялся авторъ) не ограничивается однимъ неудовольствіемъ, раздражительностью тѣхъ, кто узнавалъ себя въ сатирѣ, какъ въ зеркалѣ. Могли быть и другія, полезныя слѣдствія. Беззлобные стихи, можетъ быть, сгубятъ совсѣмъ или уменьшатъ злые нравы людей (четвертая сатира). Впрочемъ эта надежда исправлять дурную нравственность, приличная тому времени, когда поэзію и стихотворство не отдѣляли отъ моральныхъ средствъ, противорѣчитъ заключительнымъ стихамъ пятой сатиры, въ которыхъ говорится, что для исправленія людей недостаточна сила рѣчи: исправитъ-де горбатыхъ могила.

IV.

Изъ статьи г. Стоюнина при «Сочиненіяхъ Кантемира» (изданіе Глазунова).

Первая сатира написана двадцатилѣтнимъ юношею въ послѣднее время царствованія Петра II. Нечѣмъ было ему восхищаться, чтобы начать пѣть оды. Онъ на самомъ себѣ чувствовалъ всю тягость этого времени, когда реакція видимо брала перевѣсъ, когда некому было сдерживать всѣхъ интригъ, замысловъ и происковъ сильныхъ людей, между которыми интересы науки не имѣли никакаго значенія, не смотря на то, что Петръ такъ горячо вносилъ ихъ въ русскую государственную жизнь. Глубокой грустью проникнуты его разсужденія, въ которыхъ онъ вступается за униженную науку:

«Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита» и пр.

Всѣ эти слова съ болью должны были вырваться изъ сердца человѣка, который только черезъ науку и видѣлъ счастливый выходъ изъ тяжелаго положенія и которому между тѣмъ представлялось, что эту науку, выражаясь языкомъ мѣстничества, «пересѣло невѣжество», что оно «подъ митрой гордится, въ шитомъ платьѣ ходитъ» и пр. Передъ его глазами совершилось столько разныхъ превращеній. Онъ видѣлъ, какъ торжествовали не заслуги, не достоинства, не труды, не ученость, и мрачное чувство охватило его юную

душу; «въ нашъ вѣкъ не къ пользѣ намъ, что ни есть, умѣти» и пр.

Многіе современные факты живо отражаются въ этомъ произведеніи...

Но Кантемиръ въ своей сатирѣ не является исключительнымъ сторонникомъ той или другой партіи. Его мы можемъ назвать сторонникомъ только науки, въ чемъ и видимъ тѣсную его связь съ эпохою Петра Великаго. Интересъ науки, внесенный Петромъ въ русскую жизнь, тотчасъ же сдѣлался живымъ интересомъ для литературы и вошелъ въ первое произведеніе писателя, который образовался въ эту самую эпоху. Это не простая случайность, а только неизбѣжное слѣдствіе, которое потверждается и трудами Ломоносова. Труды Кантемира составляютъ необходимое звено между ними и Петровскою эпохою. Ставъ на сторону науки, нашъ сатирикъ одинаково отнесся какъ къ идеаламъ старой жизни, такъ и къ новымъ, вылѣпленнымъ хотя и съ европейскаго оригинала, но не оживленнымъ европейскимъ духомъ. Наука не дала содержанія ихъ жизни, а потому они оказались пустыми, мишурными. Хотя по внѣшности они рѣзко противорѣчили старымъ, но между ними была точка соприкосновенія. И тѣ и другіе не понимали науки, и потому непріязненно и насмѣшливо смотрѣли на нее: невѣжество однихъ равнялось невѣжеству другихъ. Внѣшность, форма для нихъ составляла все, потому что только эти качества прежде всего поражаютъ внѣшнія чувства и прельщаютъ или отвра-

щаютъ ихъ, а до умозрѣнія дѣло доходитъ не такъ скоро. Отсюда и крайне матеріальный взглядъ на религію, на науку, на жизнь, отсюда и развитіе грубаго эгоизма, а съ нимъ и безнравственнаго отношенія между людьми. Наука не могла уважаться тамъ, гдѣ «стоитъ философіи кафтанъ, сшитый богато» и проч.

Мы теперь хладнокровно разсуждаемъ, что именно такое общество и должно было выйти изъ преобразовательной эпохи Петра, потому что не оно своею силою совершило революцію во имя науки, просвѣщенія и извѣстныхъ живыхъ идеаловъ, а совершила ее сила правительственная, которой оно и должно было подчиниться; слѣдственно оно не могло одушевиться этими идеями; часть его приняла насильно только однѣ внѣшнія формы, а другая хотѣла держаться старыхъ формъ. Пріюта наукѣ на первыхъ порахъ не могло быть ни здѣсь, ни тамъ. Мы теперь говоримъ хладнокровно, что это явленіе естественное, что историческій ходъ дѣла иначе не могъ и совершиться; но не могъ хладнокровно къ нему относиться тотъ современный человѣкъ, который принялъ и умомъ и сердцемъ истинный идеалъ преобразованія и хорошо понималъ, въ чемъ должна состоять жизнь дѣйствительно просвѣщеннаго европейца. И за то съ какою сатирическою болью отнесся онъ ко всѣмъ этимъ явленіямъ тогдашней жизни!

Рѣшившись пустить по рукамъ рукопись своей сатиры, авторъ скрылъ свое имя, какъ онъ говоритъ,

«по обычаю всѣхъ почти сатириковъ»; но могло быть и по другой причинѣ. Было не совсѣмъ безопасно представить обществу такіе портреты, въ которыхъ могли узнать себя многія сильныя лица, такъ какъ онъ представлялъ рѣчи людей не простыхъ, по собственному его сознанію. Это опасеніе сквозитъ въ его предисловіи, которымъ онъ думаетъ оградить себя отъ придирокъ и нападеній.

Въ рукописяхъ при этой сатирѣ встрѣчаются подъ именемъ эпиграммъ (въ древнѣйшемъ значеніи) двѣ маленькія характеристики, сдѣланныя Кантемиромъ самому себѣ и своему произведенію: «Что далъ Горацій, занялъ у француза» и проч., т. е. форму сатиры авторъ взялъ у Буало, который въ свою очередь подражалъ Горацію; въ образецъ стиха взятъ хотя не имъ, а его предшественниками-стихотворцами, силлабическій стихъ польскій; наконецъ содержаніе вѣрно изображаетъ русскую современность. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Кантемиръ имѣлъ право сказать въ примѣчаніи; «можно сказать, что сатира сія не изъ чего не имитована (не написана въ подражаніе); но есть выдумка автора»... Въ ней онъ указываетъ только два-три мѣста, заимствованныя у Горація и Овидія, Впрочемъ, начало сатиры нѣсколько напоминаетъ начало же IX сатиры Буало:

C'est à vous, mon esprit, à qui je veux parler...

Въ примѣчаніяхъ къ сатирѣ Кантемиръ подробнѣе объяснялъ тѣ вопросы, которыхъ касался въ сатирѣ, такъ напр., вопросъ о связи науки съ религіею, ко-

торый впослѣдствіи развивалъ и Ломоносовъ, имѣя въ виду толки своихъ невѣжественныхъ современниковъ не въ пользу науки. Само собою разумѣется, что науку должно было защищать въ томъ обществѣ, гдѣ она только что явилась, разрушая предразсудки и суевѣрія, которые уже давно смѣшивались съ религіозными вѣрованіями. Вопросъ о связи науки съ вѣрою сдѣлался однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ, и Кантемиръ пе могъ обойти его. Онъ старался разрѣшить его наглядно и, такъ сказать, практически, какъ обыкновенно разрѣшалъ и всѣ другіе вопросы.

Въ тѣхъ же примѣчаніяхъ Кантемиръ не разъ замѣчаетъ, что разные толки о наукѣ, приводимые въ сатирѣ, подслушаны имъ въ толпѣ, а не выдуманы. Эти замѣчанія сходятся и со словами біографа Кантемира, Венути, который отмѣтилъ, что авторъ наполнилъ свою первую сатиру слово въ слово тѣми грубыми жалобами, которыя ему приходилось часто слышать.

Прежде чѣмъ сдѣлалась извѣстна первая сатира Кантемира, заслужившая одобреніе Ѳеофана Прокоповича, онъ написалъ другую. Содержаніе и мораль сатиры вызваны преобразовательною эпохою, съ которою, какъ мы видѣли, имѣетъ тѣсную связь и первая сатира Кантемира. Петровская табель о рангахъ, поставившая личныя заслуги государству выше наслѣдственныхъ титуловъ и родовыхъ преданій о службѣ отцовъ, произвела сильное смущеніе и неудовольствіе

въ вельможескихъ родахъ. Съ извѣстнымъ государственно-служебнымъ мѣстомъ сталъ соединяться извѣстный чинъ, который давался только за личную службу каждаго. И получить это мѣсто могъ лишь тотъ, кто дослужился до соотвѣтственнаго ему чина. Значитъ, тунеядцамъ, боярскимъ сынкамъ преграждалась дорога сразу занимать высшія мѣста въ государствѣ безъ всякаго труда и службы. Правда, впослѣдствіи всѣ эти господа примирились съ табелью и даже отлично употребили ее въ свою пользу, найдя возможность получать чины съ помощью разныхъ покровительствъ и даже подкуповъ, а съ чинами, разумѣется, и нужныя имъ мѣста, которыя давали имъ почетъ, но на которыхъ они являлись самыми вредными тунеядцами. Чины стали давать не за заслуги государству, а за услуги разнымъ вліятельнымъ и сильнымъ личностямъ, и табель о рангахъ потеряла все свое значеніе, принесла даже болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Но Петръ Великій имѣлъ въ виду совсѣмъ не то, что вышло. Онъ хотѣлъ расчистить дорогу талантливымъ и образованнымъ личностямъ изъ низшихъ классовъ народа къ почетнымъ государственнымъ должностямъ. И дѣйствительно, въ первое время, къ которому относятся наблюденія Кантемира, когда табель о рангахъ была въ своей настоящей силѣ, всѣ новые люди, пробиравшіеся вверхъ по чиновной лѣстницѣ съ помощью своихъ личныхъ трудовъ и заслугъ, кололи глаза знатной молодежи, занимав-

шейся пустозвонствомъ среди только что усвоенной европейской обстановки. Новыя нравстенныя понятія у нихъ еще не успѣли выработаться, старыя понятія были отвергнуты, боярскія же отношенія къ государству и народу еще не забылись; жизнь принесла направленіе безнравственное или «злонравное», по выраженію сатирика; съ боярской спѣсью и гордостью соединялась скрытая зависть къ новымъ людямъ. Все это выразилось въ томъ ропотѣ, который удалось подслушать умному Кантемиру и который онъ сдѣлалъ предметомъ своего анализа, найдя этотъ ропотъ совершенно неосновательнымъ и лишеннымъ всякаго нравственнаго значенія. Въ своей сатирѣ онъ сводитъ русскую дѣйствительность съ тѣми новыми идеалами, которые у него выработались на основаніи морали, развитой европейскими писателями. Эта мораль, разумѣется, рѣзко противорѣчитъ старымъ взглядамъ на жизнь и тѣмъ нравственнымъ правиламъ, какихъ у насъ еще держались по старинѣ. Кантемиръ постоянно указываетъ на естественныя права человѣка и на нихъ хочетъ основать отношеніе между людьми.

Сообразно съ содержаніемъ и сатира получила названіе «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Остановимся нѣсколько на предисловіи къ сатирѣ, которое встрѣчается только въ первоначальныхъ рукописныхъ редакціяхъ. Здѣсь онъ касается вопросовъ, которые очень естественно могли возникнуть въ обществѣ, гдѣ только начиналась литература,

и гдѣ писатель не имѣлъ еще никакаго права гражданства. Въ самомъ дѣлѣ, людямъ, привыкшимъ слышать осужденіе только передъ алтаремъ изъ устъ духовной особы, которую поставила церковь, или судъ изъ устъ судьи, поставленнаго царскою властью, должно было казаться болѣе чѣмъ страннымъ—видѣть посреди себя строгаго судью, никѣмъ не поставленнаго. «Кто его поставилъ надъ нами судьею»—былъ вопросъ хотя и очень наивный въ отношеніи къ писателю, но весьма естественный въ отношеніи къ тогдашнему обществу. Въ его средѣ писатель былъ лицо совершенно новое, на которое должны были смотрѣть дико, какъ на смѣлаго пришельца изъ чужихъ странъ, и даже злобно, если онъ вооружался сатирическимъ смѣхомъ. Ему дѣйствительно нужно было облечься въ панцырь, чтобы начать свое дѣло, и сколько нибудь выдержать отпоръ; это и испытали на себѣ послѣдующіе писатели. Въ отвѣтъ на такіе вопросы общества, Кантемиръ указываетъ только на правду—единственный авторитетъ, на который можетъ опереться писатель; но чтобы обществу дойти до этого сознанія, нужно было смѣниться не одному поколѣнію. «Все, что я пишу, отвѣчаетъ Кантемиръ, пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ».

Во всемъ предисловіи мы видимъ стараніе автора выяснить себѣ и другимъ значеніе сатирическаго писателя, опредѣливъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ гражданскомъ обществѣ и какія цѣли задавать

себѣ. Если мы не забудемъ, что эта сатира писана двадцатилѣтнимъ юношею, то должны подивиться, какъ глубоко уже успѣли вкорениться въ немъ европейскія понятія среди того общества, гдѣ пришлось жить ему: наука и серьезное чтеніе были для него не безплодны. Хотя въ сатирѣ и преобладаетъ дидактизмъ, но у автора постоянно наготовѣ и жало, которымъ онъ пользуется очень искусно. Наблюдательность сатирика особенно выказывается въ неожиданныхъ сравненіяхъ, которыя берутся имъ прямо изъ ежедневной жизни. Все это удостовѣряетъ насъ, что онъ близокъ былъ дѣйствительности, отъ которой не отторгала его наука, хотя онъ и занимался ею очень прилежно.